

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. 14

ПУТЬ УЧЕНОГО
К 90-летию со дня рождения
С.А. НИКИТИНА

Москва 1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. 14

ПУТЬ УЧЕНОГО
К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина

(Материалы международной научной конференции

«Россия и славяне. XVIII в. – 1918 г.»

Москва 25–27 июня 1991 г.)

Москва 1992

Редакционная коллегия:
Л.В. Горина, Е.К. Вяземская, И.В. Чуркина

Ответственный редактор
доктор исторических наук И.В. Чуркина

Рецензенты:
д.и.н. Н.И. Хитрова, д.и.н. В.И. Фрейдзон

ISBN 5-201-00744-9

Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1992

С.А. НИКИТИН

С.А. НИКИТИН

Этот сборник посвящен памяти профессора Московского университета, историка Сергея Александровича Никитина, которому в 1991 г. исполнилось бы 90 лет. Ученикам, коллегам и всем авторам сборника хотелось рассказать о творческом деле московского ученого – историка-слависта и педагога и не только потому, что оно интересно и поучительно. Научное наследие Сергея Александровича заключает в себе большое нравственное содержание. Его составляют преданность идеалам науки, сохраненная в самых сложных условиях, уважительное отношение к прошлому, которое уже состоялось и вправе рассчитывать на внимание к себе, особенно со стороны историков. Изучение трудов С.А. Никитина приводит к мысли: культура – явление неделимое, тысячами нитей объединяет она разные народы, в том числе и славянские.

Сергей Александрович Никитин родился 25 июня 1901 г. в Москве в семье небогатых дворян. Семья Никитиных принадлежала к кругу трудовой русской интеллигенции. Его отец Александр Васильевич Никитин был учителем истории, затем инспектором женских училищ. Дядя Николай Васильевич Никитин – медиком, в течение ряда лет являвшимся личным врачом Л.Н. Толстого и его семьи.

С.А. Никитин учился в московской 4-й мужской гимназии, которая согласно его воспоминаниям отличалась своим демократизмом: ее учениками были в основном дети московской интеллигенции – врачей, учителей, офицеров, а также представителей мелкой буржуазии. В гимназические годы он с увлечением читал исторические сочинения В.О. Ключевского, В.И. Семевского, А.Н. Пыпина и др.¹. После окончания гимназии С.А. Никитин поступил на историко-филологический факультет Московского университета (с 1919 г. – факультет общественных наук), который окончил в 1922 г. Его учителями в университете являлись известнейшие специалисты по русской (С.В. Бахрушин, И.М. Бо-

гословский, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев) и всеобщей истории (Р.Ю. Виппер, В.И. Волгин, В.М. Лавровский, Д.М. Петрушевский, С.Д. Сказкин). С.А. Никитин изучал не только новую историю, но и получил хорошую подготовку по медиевистике, занятия которой не оставлял до конца жизни.

С 1924 по 1938 г. Никитин был аспирантом Института Российской ассоциации научно-исследовательских институтов. В годы аспирантуры он работал над темой "Русско-турецкая война и русская политика на Балканах в 70-е годы XIX в.". Его работа получила высокую оценку М.К. Любавского, В.И. Пичеты, С.Д. Сказкина. Последние, как и А.М. Селищев, оказали большое влияние на пробуждение интереса к славяноведению у молодого ученого. По русской истории Никитин специализировался у А.Е. Преснякова и Н.А. Рожкова². Одновременно он не порывал своих связей и с прежними своими учителями, прежде всего с А.И. Яковлевым. В сентябре 1930 г. С.А. Никитин был арестован. Его арест был связан с репрессиями, которым подверглись его учителя Н.А. Рожков, А.И. Яковлев и другие видные историки по так называемому делу академика Платонова. Почти два года Никитин провел в тюрьме и ссылке.

В 1932 г. С.А. Никитин вернулся в Москву, где первое время работал главным редактором организации "Союзоргучет". С 1937 г. он начал преподавательскую деятельность в вузах Москвы. Он работал в Историко-архивном институте, в Институте философии, литературы, истории. В Историко-архивном институте Никитин по предложению М.Н. Тихомирова читал курс лекций по источниковедению истории СССР в XIX в. В 1940 г. этот курс лекций вышел отдельной книгой, которая на два десятилетия стала учебником для студентов. В 1941 г. Никитин защитил по ней свою кандидатскую диссертацию. В этом же году он поступил на исторический факультет МГУ, где проработал двадцать лет, из которых четырнадцать (1947–1961) являлся заведующим кафедрой истории южных и западных славян.

После защиты кандидатской диссертации С.А. Никитин вновь вернулся к проблеме русско-балканских отношений. Однако теперь наиболее пристальное внимание он уделил не вопросам правительственной политики России, а развитию славянской идеи в

русском обществе. Результатом его исследований явилась докторская диссертация "Вопросы балканской политики России и русское общество в 50-х–70-х годах XIX в.", которую он защищал в 1947 г.

С 1947 г. и до самой смерти 5 декабря 1979 г. С.А. Никитин работал в Институте славяноведения (позднее – славяноведения и балканистики) АН СССР. Здесь он более двадцати лет (1947–1969 гг.) возглавлял сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма. Таковы чисто внешние вехи жизни Александра Никитина.

Что же заставляет нас сейчас вновь обратиться к его наследию? Прежде всего тот вклад, который он внес в создание советской школы славяноведения. Но наряду с этим – те его качества ученого и человека, которые помогли ему сделать в науке то, что он сумел сделать. Имя Сергея Александровича Никитина пользуется широкой известностью в кругах не только отечественных, но и зарубежных славистов. "Широта кругозора, – отмечалось в некрологе, помещенном в "Вопросах истории", – глубокое знание предмета исследований, добросовестность в обобщениях и выводах – эти качества С.А. Никитина служили примером для всех, кто занимался историей южных и западных славян"³. Не менее высокую оценку ученого давали и болгарские коллеги: "Более пятидесяти лет Сергей Александрович Никитин служил самоотверженно советской исторической науке, внося свой ценный вклад в развитие мировой славистики, в развитие сотрудничества между болгарскими и советскими историками. Жизнь и деятельность большого ученого и благородного человека Сергея Александровича – светлый пример для подражания"⁴.

Чем объясняется столь высокая оценка деятельности С.А. Никитина? Прежде всего добросовестностью, широтой и разнообразием научных интересов, умением поставить и решить малоизученные проблемы. Широта его интересов поражает. Он разрабатывал вопросы отечественной истории: русское общественное движение и внешнюю политику России в 50-е–70-е годы XIX в., источниковедение истории России XIX в. Никитин исследовал самые разнообразные темы по истории славянских народов от ран-

него средневековья до новейшего времени. Его перу принадлежат труды о происхождении славянской письменности, о классовой борьбе в Чехии и Моравии в XIV – начале XV в., об особенностях формирования славянских наций, о словацком национальном деятеле Людевиге Штуре и его знаменитом трактате, о реформаторе сербского литературного языка Вуке Караджиче, о национальном движении сербов Воеводины в период революции 1848–1849 гг., о сербском социал-демократе Д. Туцовиче, о развитии славяноведения в СССР. Но наиболее пристальное внимание Никитина привлекала история Болгарии. Им были написаны очерки по средневековой болгарской истории, статьи об апрельском восстании 1876 г., о болгарском городе конца 70-х годов XIX в., о крупнейших деятелях болгарской культуры: Паисии Хилендарском, Л. Каравелове, М. Дринове и др.

Большое значение для развития славяноведения имел главный труд С.А. Никитина книга "Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг." (М., 1960). Это было первое серьезное исследование о славянофилах. Ученый привлек огромное количество новых материалов: архивные документы, русскую прессу, мемуары, и на основе их сделал обоснованные выводы. Никитин реабилитировал славянофильское движение, показав, что славянофилы вовсе не были ретроgrадами, как их пыталась рисовать советская историография, а являлись людьми умеренно либеральных взглядов, выступавшими за проведение постепенных буржуазных реформ в русском обществе. Книга оказала большое влияние не только на советских, но и на зарубежных ученых, это отмечал и действительный член Боснийско-герцеговинской и Сербской академии наук и искусств М. Экмечич: "Все югославские историки, которые исследовали историю Восточного вопроса и национального движения югославянских народов в 1856–1878 гг., пользовались этим изданием при решении всех проблем, относящихся к балканской политике России. Благодаря этой публикации С.А. Никитин получил широкое международное признание в научных кругах"⁵.

Никитин вел большую научно-организационную работу. Под его руководством вышли коллективные обобщающие труды "История Болгарии" (т. I, II, 1954, 1955), "История Чехословакии"

(т. II, 1959), "История Югославии" (т. I, 1963). В них он был не только редактором, но и автором ряда глав. Никитин принял также участие в написании обобщающих трудов "История СССР" и "Новая история".

Огромное значение для развития славяноведения имело принятое Никитиным издание документов. Под его руководством в 1961–1967 гг. вышла в свет трехтомная советско-болгарская публикация "Освобождение Болгарии от турецкого ига", которая стала образцом для последующих изданий документов. С.А. Никитин возглавил советско-челословацко-югославскую публикацию "Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского" (М., 1975), стал инициатором советско-югославской публикации "Первое сербское восстание 1804–1812 гг. и Россия", два тома которой вышли уже после смерти С.А. Никитина.

С.А. Никитин создал школу славистов. Большинство его учеников разрабатывает тематику, которую начал исследовать он, а именно – национальные движения славян, их связи с Россией. В области методологии для них характерно стремление провести сравнительный анализ однородных явлений в истории и культуре славянских народов. Ученики Никитина проявляют большой интерес к источникам. Это не только архивные документы, но и периодическая печать как русская, так и славянских стран. Число учеников Никитина достаточно велико: в год его смерти (1979 г.) среди них было 9 докторов наук и 25 кандидатов.

По своей методологии Сергей Александрович, пожалуй, был ближе всего к позитивистской школе, к которой принадлежали многие русские слависты. Он стал связующим звеном между дореволюционной историографией России и современными славистами, стараясь передать последним все то лучшее, что было создано российским славяноведением.

То, что С.А. Никитин сумел не только сохранить, но и передать своим ученикам лучшие традиции российского дореволюционного славяноведения – его большая заслуга перед наукой. Судьба С.А. Никитина как крупного ученого, создателя своей школы славистов состоялась. Ему, можно сказать, повезло по сравнению с теми русскими славистами, которые погибли в период террора или были выброшены из науки. В значительной степени оставшись самим собой, он сумел реализовать свои воз-

можности. И вместе с тем жизнь С.А. Никитина, на первый взгляд протекавшая вполне благополучно, была далеко не безоблачна. Он испытал все то, что испытали честные ученые в советской стране: арест по наветам, ссылку, долговременное недоверие со стороны властей, невозможность опубликовать в печати свои научные открытия, которые представляли для научной общественности может быть наибольший интерес. Все эти неизвестные моменты биографии С.А. Никитина найдут свое отражение в предлагаемом сборнике. Кроме того, в сборник включены те статьи, которые непосредственно рассматривают вклад С.А. Никитина в болгаристику, сербистику, в публикаторскую деятельность, в создание славистических школ на периферии.

Примечания

¹ *Никитин С.А.* Воспоминания о гимназических годах // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 130.

² *Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Валев Л.Б., Писарев Ю.А., Карасев В.Г.* Профессор Сергей Александрович Никитин // Славяне и Россия. М., 1974. С. 3.

³ Вопросы истории, 1980. № 1.

⁴ Исторически преглед. София. 1980. № 2.

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ

С.А. НИКИТИНА

(По материалам ОГПУ начала 1930-х годов)

Один из авторов настоящей статьи помнит Сергея Александровича Никитина как профессора и заведующего кафедрой, где он учился. В отличие от других профессоров и преподавателей Сергей Александрович был окружен как бы некоторой загадочностью. Вокруг него на кафедре кипели страсти, о нем ходили разные, порой даже ужасные слухи, а он, как казалось, совсем не обращал на них внимания. Почему он молчал, когда его обвиняли в таких страшных по тем временам грехах, как буржуазный объективизм и политическая индифферентность? Почему не являлся членом партии, что было тогда почти обязательным для профессора истфака?

Причина была, но она тщательно скрывалась Сергеем Александровичем, и к тому были веские основания, известные до последнего времени немногим. Они связаны с начальным периодом научной деятельности Сергея Александровича, о котором известно до обидного мало. В имеющихся биографических очерках и историографических статьях все научное творчество С.А. Никитина более или менее подробно рассматривается лишь с момента прихода ученого на кафедру истории южных и западных славян Московского университета. В результате в поле зрения биографов Никитина, главным образом славистов по специальности, остается лишь его работа в славистике, в то время как Сергей Александрович был еще историком СССР. О вкладе С.А. Никитина в отечествоведение сообщают по существу лишь сухие перечни названных в библиографиях работ¹, причем при просмотре списков обращает на себя внимание одна странность: за период 1928–1936 гг. в них фигурирует только одна рецензия С.А. Никитина, да и то подписанная псевдонимом².

Свои детские годы Никитин подробно описал в воспоминаниях, опубликованных в 1983 г. А.Е. Москаленко³. Известно, что

окончив гимназию, он поступил в 1918 г. в Московский университет. Его учителями были, в частности, такие известные историки России, как С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, медиевист Д.Н. Егоров, Студенческая жизнь С.А. Никитина вряд ли была безоблачной: учебу в университете ему приходилось совмещать с военной службой, на которую студент Никитин был призван в 1919 г. и которую проходил до 1924 г. сначала как курсант отделения русского языка Военно-педагогического института, а затем как преподаватель Командной артиллерийской школы.

В 1922 г. Сергей Александрович окончил факультет общественных наук Московского университета и к его преподавательской деятельности добавилась профсоюзная работа: он заведовал профсоюзными курсами, был лектором Московского совета профсоюзов. Это стимулировало занятия Сергея Александровича историей профсоюзного и рабочего движения в России. В 1924 г. вышла его первая научная статья о профсоюзной печати в России в 1905 г., в 1925 г. аналогичным образом печати за 1906 г.⁴

В 1924–1929 гг., оставив преподавание русского языка, но продолжая профсоюзную работу, С.А. Никитин был младшим научным сотрудником (аспирантом) Института истории РАНИОН. Этот период его деятельности освещен в литературе подробнее, чем предыдущий и последующий. Справедливо указывается, что именно в годы учебы в Институте истории С.А. Никитин впервые обратился к вопросам русской политики в Болгарии и его новые интересы встретили заинтересованную поддержку М.К. Любавского и В.И. Пичеты⁵. В 1989 г. в статье о славистике в Московском университете один из авторов настоящей работы опубликовал выдержки из лестного отзыва о Сергее Александровиче С.Д. Сказкина, которому С.А. Никитин помогал в качестве практиканта вести семинар по истории взаимоотношений славянских стран с Россией, взяв на себя занятия по южнославянской проблематике⁶. Как видно из списка работ С.А. Никитина, опубликованного А.Е. Москаленко, в 1927 г. в Большой Советской Энциклопедии была напечатана его первая славистическая работа – статья о богомилах⁷. Одновременно Сергей Александрович продолжал разрабатывать вопросы рабочего и профессионального

движения, опубликовав по этой тематике около десятка статей и рецензий, наиболее значительные из которых были написаны на основе не использовавшихся ранее источников.

Вместе с тем, еще нигде, кажется, не было отмечено, что в годы аспирантуры С.А. Никитин работал в семинаре Н.А. Рожкова вместе с группой молодых способных историков – В. Зельцером, А.И. Гайсиновичем, П.А. Анатольевым, Я.Я. Зутисом и др. По словам Сергея Александровича, это был "сплоченный, работающий коллектив, объединенный в основном одной системой во взглядах и методах исторического анализа".

Последняя цитата, а также приведенные выше биографические сведения взяты из довольно необычного источника – "дела" С.А. Никитина, хранящегося в Центральном архиве Комитета государственной безопасности СССР⁸. "Дело" открывается ордером на арест, подписанным заместителем председателя ОГПУ С. Мессингом и начальником оперативного отдела А.Х. Артузовым. По этому ордеру С.А. Никитин был арестован 14 сентября 1930 г. Арест сопровождался обыском, который, видимо, продолжался всю ночь, ибо протокол обыска был подписан 15 сентября⁹. С.А. Никитин, как видно из заполненной им 15 сентября в ОГПУ анкеты¹⁰ и других документов "дела", работал с 1928 г. до ареста в библиотеке Высшего совета народного хозяйства, где занимался библиографической деятельностью в должности помощника редактора Технической картотеки. Возможно, то обстоятельство, что после окончания аспирантуры С.А. Никитин не смог заняться историей, было как-то связано с его работой под руководством Н.А. Рожкова. Известно, что последний подвергся во второй половине 1920-х годов резкой критике со стороны М.Н. Покровского и обвинялся в меньшевистской интерпретации исторического процесса¹¹. Никитин же даже в ОГПУ отмечал на одном из допросов, что получил от работы в семинаре Рожкова "значительную пользу" и "частично принимал" методы своего учителя¹². Впрочем, в обстановке свертывания исторического образования и сокращения научно-исследовательской работы в области истории, характерной для 1920-х – начала 1930-х годов, без работы оставались многие историки. В их число попал и один из учителей Сергея Александровича, видный историк России .

А.И. Яковлев, который вынужден был заняться редактированием технической картотеки и стал таким образом руководителем С.А. Никитина не только в научной деятельности, но и в библиотечной работе¹³.

Первый допрос С.А. Никитина был проведен 19 сентября 1930 г. помощником уполномоченного 5-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ Н.Н. Соловьевым. Уточняя анкетные данные, Соловьев неожиданно задал вопрос о политических убеждениях Никитина. Ответ показал зрелость и мужество ученого. Вместо того, чтобы уверять следователя в своей преданности существующему режиму, С.А. Никитин ответил ему правдиво, дипломатично и к тому же с профессиональным историческим видением совершающихся в стране процессов: "Считаю себя близко стоящим к марксистской системе взглядов. Отношение к советской власти, как к неизбежному последствию всего исторического развития России", — заявил он¹⁴.

Записывая (часто безграмотно и с грамматическими ошибками) дальнейшие показания Сергея Александровича, следователь не считал нужным отмечать в протоколах допросов свои вопросы и заявления в адрес подследственного. Поэтому неясно, когда были предъявлены С.А. Никитину обвинения. На причину ареста проливает, однако, свет заявление матери ученого Глафиры Северьяновны, поданное в президиум ОГПУ 20 декабря 1930 г. Она пишет, что сын был задержан как служивший под руководством А.И. Яковлева¹⁵. Это, несомненно, очень близко к истине: в "совершенно секретной" справке по делу Сергея Александровича, направленной в январе 1931 г. начальником 5-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ Андреевым руководителю ОГПУ В.Р. Менжинскому и суммировавшей все "преступления" уже осужденного к тому времени С.А. Никитина, сообщалось, в частности, будто бы ученый "был связан с группой историков, арестованных по делу "Всенародного Союза борьбы за возрождение свободной России"¹⁶. Сейчас о фабрикации ОГПУ "дела" этой мифической организации, изобретенной для обвинения в контрреволюционной деятельности большой группы членов Академии наук СССР, других ученых и представителей интеллигенции есть, кроме зарубежной, и новейшая отечествен-

ная литература¹⁷. В ней раскрыты действительные причины сначала травли, а затем арестов и ссылки крупных ученых, не согласившихся безоговорочно принять навязывавшиеся им кандидатуры в состав Академии наук. По "делу", которое правильнее всего называть "академическим", но которое часто именуют "делом академика Платонова", проходили почти все названные выше учителя С.А. Никитина, в том числе крупные историки, в той или иной степени занимавшиеся славянскими странами: М.К. Любавский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, В.И. Пичета; осужден по этому "делу" был и А.И. Яковлев¹⁸.

Другие "провинности" С.А. Никитина, обозначенные в справке, носили еще более надуманный характер, чем "связь" с "антисоветской организацией" и были построены на соответствующим образом интерпретированных показаниях ученого. "С.А. Никитин, — говорится в справке, — настроен резко антисоветски". Ему вменяется в вину участие в "антимарксистском кружке Рожкова" и то, что С.А. Никитин якобы "выступления свои направлял против общества историков-марксистов".

О том, что "показал" Сергей Александрович в связи со своим участием в семинаре Н.А. Рожкова, мы уже знаем. Общество историков-марксистов в "деле" упоминается дважды: в показаниях С.А. Никитина, заявившего об "ортодоксальной, будирующей историческую мысль" системе взглядов этого общества¹⁹ и в заключении Н.Н. Соловьева по итогам следствия²⁰, где содержится никак не вяжущееся с показаниями утверждение будто бы в Обществе истории и древностей российских, подследственный выступал против Общества историков-марксистов. При этом версия следователя к другим материалам "дела" не подтверждается.

С.А. Никитин заявил, что взглядам историков, входящих в Общество историков-марксистов, противостоят взгляды ученых "старой исторической", "идеалистической" школы. К ней Сергей Александрович относил "следующих историков из старшего поколения: С.В. Бахрушин, С.В. Веселовский, А.И. Яковлев, Д.Н. Егоров, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, И.И. Иванов-Полосин, Д.М. Петрушевский, из числа более молодых: Л.В. Черепнин, И.С. Макаров". "Развитие исторической мысли происходит в условиях клас-

совой борьбы, — давал показания Сергей Александрович. — В зависимости от политической физиономии сторики расслоены на два основных течения". Признавая, что противопоставление этих течений "не есть беспредметное единоборство, а имеет определенный социально-политический смысл" и опирается "на сплоченность этой группы историков, как методологически одинаково мыслящих", он в то же время категорически отрицал наличие у них какой-либо организации²¹. "Противопоставление "мы и они", которое я неоднократно слышал во время докладов, прений со стороны хотя бы Яковлева А.И., Любавского М.К. я отношу за счет деления исторической мысли на диалектиков-марксистов и представителей академической школы, но не могу приписать это наличию организации..." — заявил он на одном из допросов²².

Перечисление следователю фамилий историков как авторов немарксистских трудов²³ на первый взгляд кажется наивным, однако следует принять во внимание, что в 1920-е годы историки еще не отказались от попыток открыто говорить о своих разногласиях по научным вопросам. Именно это, а также мужество С.А. Никитина, решительно отвергшего версию обвинения о существовании "контрреволюционной организации", на которой строилось все "академическое дело", побудили, видимо, Ю.В. Готье, осужденного по этому "делу", выступить позднее оппонентом на защите С.А. Никитиным кандидатской диссертации в 1940 г. и сделать там одно многозначительное заявление. "Выступая на этой защите, — сказал Ю.В. Готье, — я чувствую себя в положении прокурора, который отказывается от обвинения"²⁴.

Наиболее развернутой частью показаний С.А. Никитина являются допросы, посвященные его личным историческим политическим и философским воззрениям. По "мироощущению" и "методам научного анализа" он считал себя "близко стоящим к марксизму", но подчеркивал, что воспринимает "только одну часть марксова учения — учение о критике основ капиталистического способа производства". История, по мнению С.А. Никитина, воплощает в себе "следствия человеческих отношений, вытекающих из экономической структуры общества". Следователь подчеркнул красным карандашом слова ученого: стоя на пози-

циях христианства". Далее из весьма безграмотно записанных показаний видно, что С.А. Никитин прямо и недвусмысленно заявил: он верит в Бога и отводит церкви "особую роль" как "институту, влияющему на отношения людей". "Я был, остаюсь и хочу остаться христианином", – подчеркнул он²⁵. А во время другого допроса он уточнил свои предыдущие высказывания, отметив, что "христианская основа" его личности не позволяет ему "ортодоксально воспринимать марксизм и диалектический марксистский метод". Далее следователь записал, что из последнего высказывания подследственный "логически выводит" (что очень сомнительно!) свое отношение к Советской власти. "Я себе вполне советским человеком считать не могу, – будто бы сказал Сергей Александрович, – и продолжаю отмечать свои убеждения истинного христианства"²⁶.

В то же время на всех допросах С.А. Никитин не только последовательно отрицал какую-либо связь с антисоветским "Союзом", но и подчеркивал полное отсутствие у него сведений о существовании такой организации. "Я категорически, – заявил он, – утверждаю, что ни в какую контрреволюционную организацию не был привлекаем. Никто никаких разговоров со мной о существовании подобной организации не вел, и ни от кого я не слышал даже намеков на желание вовлечь меня в таковую... Еще раз отмечаю свою непричастность, полную, к какой-либо контрреволюционной организации, и о существовании таковой среди ленинградских и московских историков я ничего не знаю"²⁷.

Под следствием С.А. Никитин пробыл около 2,5 месяцев. Все это время он содержался в Бутырской тюрьме. 25 ноября 1930 г. Н.Н. Соловьев подписал заключение по следственному делу № 103591. "Никитин, – писал он, – стоя на позиции резко отрицательного отношения к советской власти, и в научной своей деятельности стоит на чуждых советской власти классовых позициях... Выступая с научными докладами по истории ... проводил антисоветскую линию, направляя ее против работ Общества историков-марксистов... Принимая во внимание, – говорилось далее, – отношение Никитина к советской власти и его социальное происхождение – сын священника-арендатора, считая Никитина С.А. элементом условно социально опасным, полагал бы:

дело гражданина Никитина Сергея Александровича... передать на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ" ²⁸.

3 декабря 1930 г. Особое совещание вынесло решение о высылке С.А. Никитина на Урал сроком на три года ²⁹. В ответ на многочисленные ходатайства матери ученого, поддержанные первой женой А.М. Горького Е.П. Пешковой ³⁰ (она возглавляла существовавший до 1937 г. в Москве политический Красный Крест ³¹), С.А. Никитину было разрешено ехать к месту ссылки за свой счет и остаться в Свердловске ³². В то же время не получила положительного решения просьба Глафиры Северьяновны разрешить сыну работать по специальности. Базируясь на безграмотном заключении следователя по "делу" С.А. Никитина, в котором было сказано, что он "исключительный путаник и ценности как историк никакой не представляет" ³², какой-то руководящий чекист начертал на заявлении резолюцию: "Т. Волков. Никитин является историком, которого *нельзя* пускать к преподавательской деятельности. Он эклектик, дуалист. Методологически чуждый марксистской диалектике, о чем сам заявляет. Как историка использовать его невозможно, как библиотекаря возражений нет" ³⁴. 31 декабря 1930 г. на основе этой резолюции был составлен еще один документ. В нем вновь выдвигалось требование о недопустимости использовать Сергея Александровича как историка, поскольку он, трактуя научно-исторические проблемы, преломляет их через призму христианского вероучения". Первоначально текст заканчивался фразой о возможности использовать С.А. Никитина как библиотекаря, но она затем была вычеркнута ³⁵. Видимо, соответствующие указания были отправлены на Урал в начале января вслед за уже выехавшим туда С.А. Никитиным. 10 апреля 1931 г. в секретно-политический отдел ОГПУ поступило сообщение из Свердловска, что в первых числах января административно высланный С.А. Никитин был направлен в центр Коми-Пермяцкого национального округа г. Кудымкар, но после получения в феврале отношения ОГПУ возвращен в Свердловск ³⁶. Здесь Сергей Александрович устроился на работу в трест "Востоксталь" на должность старшего экономиста ³⁷.

Потянулись долгие месяцы ссылки. Все же через полтора года Особое совещание пересмотрело свое решение о Никитине.

29 июля 1932 г. было постановлено "Никитина Сергея Александровича досрочно освободить, разрешив свободное проживание по СССР"³⁸.

С.А. Никитин вернулся в Москву, однако прежде, чем он смог вновь заняться историей, прошло около двух лет. В эти годы С.А. Никитин работал главным редактором организации "Союзоргучет". Лишь в 1935 г. ему удалось поступить в группу по истории Средней Азии Историко-археографического института, а с 1937 г. он начал преподавать историю в вузах.

Однако при жизни с ученого так и не были сняты незаслуженные обвинения. Прошли XX и XXII съезды КПСС, осудившие массовые репрессии сталинизма, но за С.А. Никитиным продолжала тянуться нить "участия в контрреволюционной организации", что не раз мешало Сергею Александровичу. Например, оформляя его выезды за границу, "проверяющие" обычно знакомились с "делом" С.А. Никитина многолетней давности, о чем сохранились соответствующие записи.

Всей своей научной деятельностью С.А. Никитин опроверг утверждения невежд из "органов" о его слабости как историка. Он добился не только всесоюзного, но и международного признания. А похоронить себя Сергей Александрович Никитин завещал по церковному обряду, сохранив верность христианским убеждениям. И только спустя десять лет после смерти, 3 марта 1989 г., "дело" 60-летней давности было официально признано незаконным, и С.А. Никитин был реабилитирован³⁹.

Примечания

¹ *Короткова В.И.* Список трудов профессора С.А. Никитина // Славяне и Россия: К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1972. С. 297–305; *Москаленко А.Е.* Печатные работы С.А. Никитина: Дополнения к библиографии В.И. Коротковой // Историко-слависты Московского университета... Библиографический словарь. М., 1979. С. 62–66.

² *Елопов И. Рец.: Sakazov I. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte.* Berlin; Leipzig, 1929 // Историк-марксист. М., 1929. Кн. 14. С. 207–209.

3 *Никитин С.А.* Воспоминания о гимназических годах // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 120–142.

4 *Он же.* Очерки по истории профессиональной печати в России // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 141–158; М., 1925. Сб. 3. С. 43–59.

5 *Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Валев Л.Б., Писарев Ю.А., Карасев В.Г.* Профессор Сергей Александрович Никитин // Славяне и Россия... С. 4.

6 *Горяинов А.Н.* Цикл южных и западных славян МГУ (1917–1930) // 50 лет исторической славистики в Московском государственном университете. М., 1989. С. 15.

7 *Никитин С.А.* Богомилы // БСЭ. 1-е изд. М., 1927. Т. 6. С. 599–600.

8 ЦА КГБ СССР. Д. Р-34558. Л. 5 об.

9 Там же, Л. 2, 2 об.

10 Там же. Л. 3.

11 См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 170–173 и др.

12 ЦА КГБ СССР. Д. Р-34558. Л. 5 об.

13 Там же. Л. 15, 25 об.

14 Там же. Л. 4 об.

15 Там же. Л. 15, 15 об.

16 Там же. Л. 25.

17 *Брачев В.С.* "Дело" академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129; *Он же.* Укрощение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР, 1990. № 4. С. 120–127; *Горяинов А.Н.* Еще раз об "академической истории" // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 180–181; *Он же.* "Ленинградская правда" – коллективный организатор великого перелома" в Академии наук // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 107–114.

18 Неполный и не всегда точный перечень осужденных по "академическому делу" см.: *Ростов Н.* Дело четырех академиков // Память. Париж, 1981.

19 ЦА КГБ СССР. Д. Р-34558, Л. 5.

20 Там же. Л. 26.

- 21 Там же. Л. 5.
- 22 Там же. Л. 6.
- 23 Там же. Л. 5.
- 24 Цит. по: Славяне и Россия... С. 4.
- 25 ЦА КГБ СССР. Д. Р-34558. Л. 5.
- 26 Там же. Л. 14.
- 27 Там же. Л. 8, 8 об.
- 28 Там же. Л. 26.
- 29 Там же. Л. 30.
- 30 Они хранятся в архивном деле Р-34558; на одном – приписки Е.П. Пешковой.
- 31 См.: *Берберова Н.* Железная женщина: Рассказ о жизни М.И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях // Дружба народов. 1989. № 10. С. 182–183.
- 32 ЦА КГБ СССР. Д. Р-34558. Л. 21.
- 33 Там же. Л. 25.
- 34 Там же. Л. 22.
- 35 Там же. Л. 21.
- 36 Там же. Л. 23, 23 об.
- 37 Личное дело С.А. Никитина, хранящееся в ИСБ.
- 38 ЦА КГБ СССР. Д. Р-34558. Л. 41.
- 39 Там же. Л. 44–45.

НЕИЗДАННАЯ КНИГА С.А. НИКИТИНА

В 1947 г. Сергей Александрович Никитин, в то время доцент кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, защитил докторскую диссертацию на тему "Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.". Защита прошла успешно, оппонентами выступили крупные ученые: историк СССР Н.М. Дружинин, историк-славист В.И. Пичета, историк-тюрколог А.Ф. Миллер. Столь разнообразная специализация оппонентов была вполне оправдана. Диссертация, посвященная развитию славянских идей в русском обществе с начала Крымской войны и до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., действительно имела серьезные выходы и на историю балканских народов, и на дипломатическую и военную историю Османской империи.

Высокая оценка диссертации крупными учеными дала С.А. Никитину возможность представить ее в издательство Академии наук СССР, где она должна была выйти отдельной книгой. То, что его труд печатался в издательстве Академии наук, не было случайностью: с 1947 г. Сергей Александрович Никитин стал одним из основателей Института славяноведения и балканистики АН СССР и с тех пор вплоть до 1961 г. он одновременно заведовал кафедрой истории южных и западных славян в МГУ и сектором новой истории славянских народов в Институте славяноведения.

Книга С.А. Никитина "Русское общество и вопросы балканской политики России в 1859–1876 гг." была набрана. Выход ее в свет намечался на 1948 г. Однако он так и не состоялся: цензура сочла нецелесообразным напечатание книги, и набор ее был рассыпан. Я пользовалась экземпляром верстки указанной книги, которая сохранилась в архиве С.А. Никитина и ныне находится у старшего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики АН СССР А.Н. Горяинова. Ссылки в статье будут даваться именно по этой верстке.

В своей статье о неизданной книге С.А. Никитина я останавливаюсь на двух моментах. Во-первых, я постараюсь показать, что представляет собой эта книга с научной точки зрения и, во-вторых, почему она так и не вышла в свет в то время.

Прежде всего о самой книге. По своим размерам она должна была быть весьма внушительной: при большом формате (приблизительно равному формату "Ученых записок славяноведения") она насчитывала 509 страниц. Первое, что бросалось в глаза при ее прочтении, – обилие фактического материала: С.А. Никитин использовал документы 41 фонда из двенадцати московских и ленинградских архивов, просмотрел практически всю центральную периодическую печать России конца 50–70-х годов XIX в. и значительную часть провинциальной прессы (Воронежа, Новочеркасска, Казани, Киева, Одессы и др.). Помимо этого ученый широко пользовался многочисленными опубликованными источниками: воспоминаниями, письмами, трактатами, памфлетами, брошюрами публицистов и т.д. Им была изучена литература на русском, английском, французском, сербо-хорватском, болгарском, чешском и польском языках. Мне редко доводилось видеть труды столь фундаментальные.

Что касается методологии, то автору, несомненно, ближе всего позитивизм с его обстоятельностью в подборе фактов, со стремлением любой вывод базировать именно на них. Наряду с этим господствовавшая в то время в советской историографии марксистская методология не могла не оказать на С.А. Никитина заметного влияния. Дело здесь не только в цитатах из трудов классиков марксизма-ленинизма – их сравнительно очень немного и они, как правило, носят нейтральный характер. Главное заключалось в попытке каждый раз дать классовую характеристику тому или иному лицу, оценить только с классовых позиций многие события и явления, что приводило к известному их упрощению. Однако хочется еще раз подчеркнуть, что очень часто исследование конкретного материала заставляло С.А. Никитина отходить от принятых в советской историографии оценок, приходило к самостоятельным, оригинальным выводам.

Книга С.А. Никитина состоит из семи глав. Первая глава называлась "Крымская война", вторая – "Шестидесятые годы",

третья – "Славянские комитеты", четвертая – "Славянские съезды 60-х годов", пятая – "Панславистские теории конца 60-х годов", шестая – "Канун восточного кризиса", седьмая – "Начало восточного кризиса". Наиболее обширная вторая глава "Шестидесятые годы" в свою очередь делилась на три раздела: первый раздел – "Балканские связи русской печати", второй – "Панславистские теории и их критика", третий – "Конкретные проблемы балканских отношений". Значительное количество этого материала было опубликовано С.А. Никитиным позднее. Так, из главы второй "Шестидесятые годы" он сделал две статьи. Одна из них под названием "Югославянские связи русской печати 60-х годов XIX в. (слегка измененный раздел "Балканские связи русской печати" вышла в свет в VI томе "Ученых записок Института славяноведения" (М., 1952). Третий раздел второй главы "Конкретные проблемы балканских отношений" полностью вошел в очерк "Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX в. в освещении современной русской прессы" и книги С.А. Никитина "Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в." (М., 1970). В этой же книге была целиком опубликована глава шестая "Канун восточного кризиса", которая в качестве статьи называлась "Балканские события в русской периодической печати кануна восточного кризиса", которая в качестве статьи называлась "Балканские события в русской периодической печати кануна восточного кризиса". Наконец, три главы неизданной книги Никитина (третья – "Славянские комитеты", четвертая – "Славянские съезды 60-х годов" и седьмая – "Начало восточного кризиса") с небольшими изменениями вошли в его монографию "Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг." (М., 1960).

Таким образом большая часть книги Никитина "Русское общество и вопросы балканской политики России 1853–1876 гг.", не увидевшей света в 1948 г., впоследствии была опубликована. Неизданной осталась ее меньшая часть. И хотя от рассыпки набора в 1948 г. до смерти С.А. Никитина в 1979 г. прошло более тридцати лет, он не счел возможным их выпустить в свет.

Что же это были за разделы? Это первая глава "Крымская война", второй раздел второй главы "Панславистские теории и

их критика" и пятая глава "Панславистские теории конца 60-х годов". На них я и остановлюсь подробнее. Во-первых, они еще нигде не публиковались, а в силу своей фундированности могут представлять несомненный интерес для исторической общественности. Во-вторых, по-видимому, именно в содержании этих глав кроется причина того, что набор книги С.А. Никитина был рассыпан.

Все неопубликованные разделы объединяются единой проблематикой – развитие панславистских идей в русской общественной мысли в 40-е–70-е годы XIX в. Эта проблема исследовалась и за рубежом, и в России и частично в Советском Союзе. Я не буду здесь останавливаться на ее трактовке различными учеными, ибо это другая тема. Моя цель показать, как проблема панславизма рассматривалась Сергеем Александровичем Никитиным.

В первой главе "Крымская война" автор очень мало занимался войной: военными действиями, дипломатическими перипетиями накануне и в ее ходе. Основное внимание он уделил отношению к ней русской общественности, прежде всего славянофилов и близких к ним кругов. Центральное место в главе отведено разбору "Записки" Константина Аксакова, написанной им, по-видимому, накануне или в самом начале войны. Этот документ был найден Сергеем Александровичем, а введен в научный оборот лишь спустя сорок лет словацким ученым Татьяной Ивантьшиновой (см. ее книгу "Чехи и словаки в идеологии русских славянофилов". Братислава, 1987). Советской исторической общественности она не известна, поэтому я позволю себе остановиться на ней подробнее. В своей "Записке" Константин Аксаков утверждал, что в Европе существует два мира – романо-германский и славянский. При этом Россия и славянство противостоят растленному Западу, или романо-германскому миру. Последнему удалось во многом разложить русское общество, но народ остался нетронутым. Начавшаяся война является новым звеном в вековой борьбе Запада и России, борьбе начал, или принципов, лежащих в основе европейского мира, с одной стороны, и славянского, с другой. Принципы европейского мира – аристократизм и индивидуализм. Запад питает презрение ко всем народам, которые

не входят в его орбиту, особенно к славянам. Принципы славянства – кротость, миролюбие, самопожертвование, верность православию. В данный момент речь идет о решительной схватке между Россией и Западом. Цель последнего если не уничтожить, то хотя бы унижить и ослабить русское государство.

Кроме русских остальные славяне находятся под чуждым игом, турецким или немецким, однако сознание кровной связи с Россией у них не угасло. "И России предлежит подвиг быть заступницею веры, заступницею православных и единокровных братьев. Не расчеты дипломатии, а нравственные вопросы легли в основу войны: единство веры, единство соплеменного братства". Россия, по мнению К. Аксакова, должна провозгласить независимость всех славян и всех югославян в Турции и идти освободить их, наконец, на деле от четырехсотлетних страданий. К. Аксаков считал, что освобожденные славянские народы создадут свои собственные национальные государства-княжества, которые установят "прочный союз всех славянских народов под верховным покровительством русского государя". При этом, добавлял К. Аксаков, Россия не будет вмешиваться "в домашний распорядок покровительствуемых народов". Такое покровительство не затруднит Россию, но наоборот, только будет способствовать умножению ее сил. К. Аксаков полагал, что Молдавия и Валахия также присоединятся к союзу славянских государств. После того, как Австрия показала себя столь неблагодарной по отношению к России, последняя имеет полное право "исполнить свое призвание освободительницы единоплеменных и частично православных народов, присоединив, конечно, при этом к себе свое древнее достояние – Галицию" (с. 12–15). Таким образом, К. Аксаков распространял освободительную миссию России и на австрийских славян. В своей записке он четко оговаривал, что непосредственно присоединить она должна только Галицию, остальные же славянские народы должны образовать систему покровительствуемых Россией государств. Сергей Александрович вполне справедливо оценил "Записку" К. Аксакова как выражающую концепцию великодержавного панславизма, указав, что на нее несомненно повлияли "Записки" известного русского историка М.П. Погодина; который проповедовал панславистские идеи уже с конца 30-х годов XIX в. (с. 19).

Далее Никитин подробно останавливался на планах Погодина. Они были разработаны значительно шире и детальнее, чем проекты К. Аксакова. Так, в своей "Записке" от 27 мая 1854 г. Погодин рисовал картину создания широкого союза "под председательством и покровительством России". В этот союз (Дунайский, Славянский, Юговосточный -- такие названия на выбор предлагал ему дать Погодин) должны были войти помимо славянских земель Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания. Центром союза предполагалось сделать Константинополь, в нем же созывать и общие сеймы -- парламенты. Второй блок союзных России государств (Балтийский союз) Погодин полагал возможным установить на севере из Швеции, Дании, Пруссии. Возглавив эти два союза, Россия может, не опасаясь остальной Европы, направить свои силы на подчинение Китая, Японии, Тибета, Бухары, Хивы, Коканда, Персии. В этом огромном государственном объединении главенствующим должен был стать русский язык. Что касается непосредственно Крымской войны, то Погодин рассматривал ее для России в качестве крестового похода, который должен был привести к следующим целям: 1) возбудить Россию на пути к совершенствованию гражданскому и человеческому; 2) призвать к умственной и духовной жизни "древнейшие многочисленные племена славянские, освободив их сперва от турецкого ига, а потом и всякого другого ига" (т.е. австрийского. -- *И.Ч.*); 3) изгнать турок из Европы; 4) восстановить патриарший престол в Константинополе во всем его величии; 5) обновить обветшалую Европу (с. 17, 18). Как можно видеть, планы Погодина далеко выходили за рамки панславистских грез, распространяясь на северную Европу и практически на всю Азию (за исключением Индии).

С.А. Никитин считал возможным объединить проекты К. Аксакова и М. Погодина, поскольку оба они исходили из убеждения в высоком предназначении России, в ее решающей роли при освобождении славян. Ученый подчеркивал, что источник их панславизма -- вера в мощь николаевской России -- был реакционен. В отличие от погодинско-аксаковского панславизма мечтания Герцена, по мнению Никитина, хотя и были также панславистского толка, носили прогрессивный характер, поскольку Герцен

"связывал расцвет славянского мира с распадом романовской империи, а не с укреплением и увековечиванием российского самодержавия" (с. 20).

Оценивая отрицательно панславистские планы К. Аксакова и М. Погодина, С.А. Никитин отмечал: "...панслависты (славянофилы и Погодин) признавали необходимость освобождения балканских государств, находящихся в тесной связи и под покровительством России". Не имея возможности сказать более откровенно, Никитин попытался сделать оценку панславистов времен Крымской войны более объемной. Он писал, что в то время они видели ясную конкретную цель – освобождение славянских народов от чужеземного ига, цель, связанную с конкретными политическими событиями – войной России с Османской империей. Поэтому вопрос панславистами ставился решительно: в случае победы над Турцией необходимо полное освобождение от ее господства подвластных ей народов Балкан. Чувствуется, что эта цель панславистов 50-х годов вызвала симпатию Никитина. Недаром в этой же главе как бы мимоходом он замечал, что славянофилы представляли лучшую часть дворянского общества (с. 23).

Возникновение панславистских идей в России Никитин датировал началом Крымской войны. При этом ему удалось показать, что эти идеи появились в самых различных слоях русского общества: в придворных кругах (в частности у генерала Паскевича, камерфрейлины императрицы графини А.Д. Блудовой и др.), среди дворянской интеллигенции (славянофилы), демократов (А.И. Герцен, М.А. Бакунин) и т.д.

Следующая часть книги С.А. Никитина, посвященная развитию панславистских идей в России, – это раздел "Панславистские теории и их критика" в главе второй "Шестидесятые годы". В нем Никитин рассказывал о трех вариантах панславистских теорий, сложившихся в России в 60-е годы XIX в.

Тот панславизм, который возник в начале Крымской войны и основывался на возможности освобождения славян в ближайшем обозримом будущем, уже к концу 1854 г. сошел на нет. Он не исчез полностью, но принял в 60-е годы, годы мирного развития России, годы проведения буржуазных реформ, новые формы.

Это был первый вариант панславизма, вариант славянофильский, наиболее видным представителем которого являлся Иван Аксаков. Панславизм И. Аксакова в значительной степени вышел из панславистских теорий его брата Константина. Но в отличие от последнего И. Аксаков отрицал необходимость политического объединения славян, а видел предназначение России в призыве славян "к жизни, самобытности и свободе". По его мнению, балканские славяне должны освободиться от турецкого ига, подняв восстание против Порты, которое поддержит Россия. И. Аксаков выступал за "полное признание самобытности каждого племени, способного к самобытности" (с. 92, 76).

Панславистские идеи И. Аксакова, несомненно, вызывали сочувствие С.А. Никитина. И сравнивая их со вторым вариантом панславизма 60-х годов XIX в., который Сергей Александрович условно называл катковским, он подчеркивал: "...военно-повстанческий панславизм Аксакова гораздо легче и либеральнее решал вопрос для освобождения славян". И далее: "Концепция Аксакова стремилась к освобождению славян и созданию федерации во главе с Россией, в недрах которой славяне и должны были получить возможность развития, соответствующего славянофильскому идеалу" (с. 92, 112).

Катковский панславизм сформировался в середине 60-х годов. Его наиболее ярким выразителем стал М.Н. Катков, идеолог самодержавных порядков в России. Этот вариант панславизма, по мнению С.А. Никитина, представлял "политическую доктрину, поставленную на службу решения коренного вопроса русской внешней политики в связи с новой ситуацией, сложившейся в Европе к середине 60-х годов". Новая ситуация определялась, с одной стороны, польским восстанием 1863 г. и его подавлением царским правительством, а с другой стороны, началом энергичных действий Пруссии по объединению Германии, в частности захватом ею у Дании Шлезвига и Голштинии. Панславизм Каткова носил обрусительский характер. Катков выступал за то, чтобы русский язык стал общеславянским, чему он придавал не культурное, а чисто политическое значение. Никитин оценивал катковский панславизм отрицательно.

Сравнивая две видные фигуры русской общественной мысли 60-х годов славянофила И.С. Аксакова и М.Н. Каткова, Никитин указывал на принципиальное отличие их взглядов. Если для Каткова главной была полная поддержка правительства, то И. Аксаков, даже "когда он действовал вместе с правительством, он сохранял независимость, которая лишь сильнее оттеняла его политическую линию" (с. 111).

Близким по своей сути катковскому панславизму, по мнению Сергея Александровича, был панславизм известного русского слависта и славянофила Владимира Ивановича Ламанского. Ламанский полагал, что каждый славянский народ для своих домашних потребностей может пользоваться своим родным языком, однако научно-дипломатическим языком для всех славян должен стать русский язык. Любопытны доводы, которые приводил Ламанский в обоснование своего положения. Поскольку за тысячелетие своего существования малые славянские народы не смогли создать богатую литературу и прочную государственность, то "нет никакого основания предполагать, чтобы они могли достичь этих условий в настоящее или будущее время". Ламанский опирался в своих утверждениях на теорию Дарвина, перенося законы биологического развития на законы развития общества, в частности – языка. Он полагал, что также как среди флоры и фауны в человеческом обществе существует борьба за существование и естественный отбор. Это лучше всего можно заметить "на наречиях тех всемирно исторических племен, которые достигают общей человеческой образованности и необходимого ей органа общелитературного языка, то есть тогда, когда одно из наречий известного племени после борьбы со своими родичами и после известного подбора, приобретает, наконец, первенство и игемонию, становясь общим языком целого племени". Только признание единого литературного языка славянами "может положить конец их нынешнему служебному положению и духовному рабству" (с. 89, 90).

Третий вариант панславизма – панславизм демократического лагеря. Его идеологами являлись А.И. Герцен и М.А. Бакунин. С.А. Никитин отходил от тех оценок их взглядов, которые были приняты большинством советских историков. Подчеркивая,

что бакунский вариант панславизма носил антимонархический характер, что он отрицал гегемонию России над славянами, Никитин считал его непригодным для проведения в жизнь, ибо он "отправлялся от сбивчивых социально-экономических рассуждений Бакунина и по сути дела представлял такое же навязывание готовой точки зрения славянам, как это делал панславизм реакционный" (с. 114).

Своеобразным было отношение Никитина к точке зрения Н.Г. Чернышевского и его соратников на славянский вопрос. В 50-е–80-е годы в советской историографии господствовало мнение, что она являлась наиболее правильной в то время. Проанализировав высказывания Чернышевского, Никитин пришел к выводу: "Чернышевский переоценивал, как показали позднейшие события, возможность победы балканских народов и недооценивал захватнические стремления западных держав, и тем самым засвидетельствовал недостаточное знакомство с реальным положением дела". И далее: "Современник" больше вел борьбу с панславизмом и славянофильством, чем намечал что-либо положительное" (с. 104, 107)*.

Пятая глава неизданной книги Никитина называлась "Панславистские теории конца 60-х годов". В центре ее находился анализ идеологии двух общественных деятелей России, которая, по признанию как советской, так и зарубежной историографии, представляла собою квинтэссенцию русского панславизма. Речь идет о Н.Я. Данилевском и Р.А. Фадееве.

---

* Такая точка зрения стала пробивать себе дорогу в советской историографии только с начала 70-х годов. См.: Хитрова Н.И. Русское общество и Черногория 60-е–70-е годы XIX в. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973. С. 171. Более развернутая оценка взглядов Чернышевского и Бакунина на славянский вопрос дается в монографии В.М. Хевролиной "Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях конец 60-х – начало 80-х годов" (М., 1986).

Книга Данилевского "Россия и Европа" вышла в свет в 1871 г. Однако до этого она в 1869 г. печаталась отдельными статьями. Уже в конце XIX – начале XX в. она вызвала резкую критику со стороны передовых деятелей русской культуры. Никитин, в частности, приводил высказывания о ней, весьма отрицательные, философа В.С. Соловьёва и историка П.Н. Милюкова.

Также как и Ламанский, Данилевский пытался привлечь для доказательства своих утверждений естественно-научные теории. Это отметил еще Милюков, указав, что Данилевскому чужд дарвинизм, а близко учение Ламарка. Действительно, Данилевский исходил из положения, что вся история человечества представляет собой смену типов культур (всего он насчитывал их десять, не считая двух американских). Эти культуры не переходят одна в другую, а совершенно самостоятельны. Предыдущие типы культур являются только удобрением для последующих типов. Могут быть влияния одного культурного типа на другой, но это происходит или путем колонизации (например, греческая культура в Италии и в Причерноморье) или путем прививки (как была привита римская культура кельтской). Данилевский, таким образом, полностью отрицал единство мировой культуры.

Данилевский считал, что Россия и славяне представляют собой особый культурно-исторический тип, который должен сменить романо-германский культурно-исторический тип. Как и К. Аксаков, Данилевский противопоставлял эти два культурных мира и видел главного врага славян в Европе, именно в романо-германском мире. Он полностью отвергал австро-славизм Палацкого, указывая, что австро-славянское государство не имеет идеи и поэтому не может существовать. Важнейшим условием развития славянского культурно-исторического типа, по Данилевскому, являлось создание всеславянского государства в форме федерации, в которую войдут помимо славянских земель территории, заселенные венграми, румынами, греками. Он утверждал, что сущность восточного вопроса есть борьба между романо-германским и славянскими культурно-историческими типами. Эта борьба началась еще во времена Карла Великого, и до середины XVIII в. в ней одерживал победу романо-германский

мир. Только с царствования Екатерины II славянство начало теснить своего соперника. Среди европейских стран Данилевский видел единственного потенциального союзника России в Пруссии.

Никитин оценивал программу Данилевского как программу "царского великодержавного панславизма". Вместе с тем он отмечал, что Данилевский сочувствовал буржуазным реформам в России, полагая, что основу будущей славянской федерации составят свободный крестьянин с наделом, православная вера и славянская идея (с. 328–355).

Р.А. Фадеев издал свою книгу "Мнение о восточном вопросе" в 1870 г. В отличие от прочих российских панславистов, противопоставлявших Россию всем европейским романо-германским государствам, он подчеркивал, что "главный враг наш никак не Западная Европа, а немецкое племя с его непомерными притязаниями". Единственным спасением от этого племени является объединение славян во главе с Россией. Это в интересах прежде всего самой России, ибо или "Россия распространит свое главенство до Адриатического моря, или вновь отступит до Днепра". Вообще, согласно Фадееву, "вся русская история без всеславянской цели теряет смысл". Планы объединения у него включали те же народы, что и у других панславистов. Главное отличие Фадеева от последних – антинемецкая направленность всех его проектов. По совершенно справедливому утверждению Никитина, панславизм Фадеева явился реакцией на распространение пангерманских идей. Взгляды его Никитин оценивал как националистические под флагом панславизма. В отличие от Данилевского Фадеев имел сторонников в военных (Черняев, Барятинский) и дипломатических (Игнатъев) кругах. Его сочинение получило более широкий отклик за рубежом: книгу перевели на немецкий, чешский, польский, сербский языки (с. 358–365, 369/).

Помимо трудов указанных двух широко известных русских панславистов Никитин исследовал сочинение и еще одного, близкого им автора, который до сих пор не привлекал к себе внимания. Это некий А. Стронин, издавший в 1869 г. в Петербурге свой труд "История и метод". Стронин также, как другие панслависты, исходил из извечной борьбы двух миров – Запада и России. И также, как они, он видел залог победы России в объединении

ею вокруг себя всего греко-славянского мира. Стронин, вслед за Данилевским и Ламанским, активно переносил законы растительного и животного мира на человеческое общество. Так, ссылаясь на Дарвина, он утверждал, что славяне в конце концов ассимилируют ("заглушат") венгров (с. 356, 357).

Итак, мы рассмотрели те главы книги Никитина, которые и не были опубликованы и которые, по всей вероятности, и явились причиной того, что книга так и не вышла в свет в 1948 г.

Что же не устраивало цензуру в этих главах? Расхождение взглядов Никитина на развитие славянской идеи в русской общественной мысли, на славянофилов и революционных демократов с имевшими в то время хождение в советской науке концепциями? Возможно.

Но главное, по моему мнению, почему эта книга показалась столь нежелательной властям, заключалось в следующем. Предсказания панславистов, начиная с К.С. Аксакова и М.П. Погодина и кончая Н.Я. Данилевским и Р.А. Фадеевым, были настолько сходны с ситуацией, которая сложилась после победы над Германией в 1945 г., что волей неволей возникали самые малоприятные для советского правительства параллели. Как предсказывал Фадеев, именно между Германией, с одной стороны, и Советским Союзом, являвшимся преемником России, произошло самое жестокое из всех, какие знала история, военное столкновение. И, как писали русские панслависты, Россия, победив Германию, выступила освободительницей славян от страшного чужеземного ига. После победы Советского Союза была создана система государств, зависимых от него. Даже перечень государств, попавших в орбиту влияния советской державы, практически совпадал с тем, который давали русские панслависты. Так, например, Данилевский полагал, что в федерацию под главенством России войдут: Чехо-мораво-словацкое королевство (в середине XX в. — Чехословакия), Сербо-хорватословенское королевство (Югославия), Болгарское королевство (Болгария), Румынское королевство (Румыния), Венгерское королевство (Венгрия), Эллинское королевство (Греция), Константинопольский округ с проливами. Из этих государств только Греция и Константинопольский округ оказались вне сферы влияния СССР.

И, конечно, советское правительство никак не могло открыто признать, что оно осуществило планы русских панславистов. Положение было тем более щекотливым, что СССР провозглашал себя самым верным последователем идей Маркса, Энгельса, Ленина, которые в своих трудах клеймили панславизм самым категорическим образом.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ БОЛГАРИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОФЕССОРА С.А. НИКИТИНА

Профессор Московского университета Сергей Александрович Никитин охотно и интенсивно занимался историей Болгарии, преимущественно XIX в. На ниве болгаристики произрастали его ученики-дипломники, кандидаты, доктора наук. В обширной панораме трудов профессора по истории Болгарии находим работы и по средневековью. Автор этих строк видит свою задачу не столько в том, чтобы дать более или менее удачную характеристику трудам своего учителя по проблемам истории Болгарии средневекового периода, сколько в обнаружении закономерностей творчества ученого как медиевиста.

В свое время С.А. Никитин в статье о видном историке болгарского возрождения Паисии Хилендарском весьма точно определил критерии оценки работ историков, полагая, что "исходя из уровня науки каждого периода, можно судить о ценности исторического сочинения данного времени"¹. В сущности, перед нами важнейшая проблема – историк и сформировавшее его время.

Взрастила С.А. Никитина Москва. В старой российской столице он появился на свет в 1901 г., учился в IV Московской гимназии, о которой им было сказано столько теплых слов в "Воспоминаниях о гимназических годах"². В Москве С.А. Никитин стал студентом, поступив в университет на историко-филологический факультет в 1918 г. Учиться ему пришлось в труднейшие годы гражданской войны и, тем не менее, удалось получить прочное фундаментальное образование. В ту пору в университете преподавали блестящие специалисты. Историю России вели С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, всеобщую историю – Р.Ю. Виппер, В.П. Волгин, Л.Н. Егоров, В.М. Лавровский, Д.М. Петрушевский и С.Д. Сказкин. И в аспирантуре С.А. Никитин обучался в Москве, в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов, где он специализировался у А.Е. Преснякова и Н.А. Рожкова. В

целом время, сформировавшее С.А. Никитина-историка, было не из легких. Лишь беззаботное детство пришлось на период дореволюционный, юность же – на время революционного кризиса. "Годы 1918–1925 – вспоминала сестра С.А. Никитина – требовали от всех нас занятий хозяйством. На обязанности Сергея Александровича лежала заготовка дров и отопление квартиры, так как отец скончался, а старший брат уехал работать в Нижегородскую радиолaborаторию"³. Творческая зрелость московского ученого – это, к сожалению, время сталинизма. Первую весну свободы (вторая половина 50-х – начало 60-х годов) он встречает, когда ему уже было за пятьдесят.

Обратимся к творчеству профессора С.А. Никитина, имея в виду медиэвистическую часть и, еще конкретнее, историю средневековой Болгарии. В научном активе С.А. Никитина нет монографий, посвященных болгарскому средневековью. Как известно, его труды по истории южных и западных славян относятся к периоду значительно более позднему. И здесь необходимо сделать оговорку: дело в том, что многие десятки написанных им страниц о болгарском средневековье вошли в обобщающие коллективные труды, в которых С.А. Никитин нередко и автор и редактор, учебники и разного рода учебные пособия. Будучи вузовским профессором и заведующим кафедрой истории южных и западных славян Московского университета в 1947–1961 гг., С.А. Никитин твердо придерживался принципа, что не следует противопоставлять монографии учебникам, так как виды научной работы тесно связаны. Являясь заведующим сектором истории зарубежных славянских народов Института славяноведения и балканистики АН СССР (1947–1969), С.А. Никитин стремился, чтобы в составе авторских коллективов обобщающих трудов были как ученые Московского университета, так и различных научных институтов.

В первом томе "Истории Болгарии" (1954 г.) С.А. Никитину принадлежит обширный раздел, относящийся к болгарскому средневековью⁴. Заметим, что еще в начале 50-х годов ученый приступил к работе над статьей, посвященной важнейшей проблеме, постоянно дискутируемой в научной литературе. Речь шла об образовании болгарского народа и возникновении Болгарского го-

сударства. Статья, увидевшая свет в Вестнике Московского университета⁵, являлась вариантом текста, написанного для коллективной "Истории Болгарии"⁶.

Небезынтересно сравнение двух вариантов текста, посвященных вопросу образования болгарской народности и государства. Бросается в глаза более обширная историографическая часть в журнальном варианте по сравнению с разделом в "Истории Болгарии". Дело, видимо, в том, что рамки коллективного сочинения всегда достаточно тесны. В обоих вариантах звучит вывод, которому ученый придает большое значение. Он таков: "Продвижение славян на Балканский полуостров представляет собой не частный факт, а одно из крупнейших событий европейской истории. По своему значению оно было ничуть не меньше, чем вторжение на территорию Западно-Римской империи германских и других племен"⁷. Нам сейчас трудно ответить на вопрос, почему характеристика политического образования болгар, так называемого Союза семи славянских племен, более основательна и развернута в журнальном варианте. Именно в нем встречаем такого рода характеристики: "Имена этих семи племен остаются неизвестными, они никогда не выступают на исторической арене порознь. Прочное объединение семи мизийских племен представляло собой слагавшееся славянское государство... Раннесредневековое "варварское" государство, с обозначившейся внутри его тенденцией развития в направлении феодализации, сложилось у славян, поселившихся в Болгарии, уже в этот ранний период их оседлости на Балканском полуострове"⁸.

Несравнимо более широкое историографическое введение предпослано статье, а не разделу в коллективном труде, разделу, посвященному протоболгарской проблеме. Можно и сейчас с уверенностью утверждать, что это один из наиболее удачных обобщающих очерков литературы о протоболгарах.

Обратимся к "никитинским" разделам "Истории Болгарии". Но прежде важное, на наш взгляд, наблюдение. В соответствии с требованиями сталинской эпохи любой, желающий остаться в живых, историк произносил идеологические заклинания, иссушающие живую душу научного работника. Не избежал этого и С.А. Никитин. Нет нужды приводить здесь соответствующие пассажи о "руководящей роли рабочего класса и его коммунистиче-

ского авангарда", о полном загнивании буржуазной исторической науки и т.п. Важно другое, как вопреки этим "священным штампам" развивалась творческая мысль ученого и как она вообще уцелела.

В "Истории Болгарии" С.А. Никитиным написаны многие главы, в том числе глава первая о первобытно-общинном и рабовладельческом строе на территории Болгарии, глава вторая о социально-экономическом строе славян в IV–VI вв. и три параграфа третьей главы о социальных и политических отношениях у балканских славян в VII–VIII вв., образовании первых славянских государств на Балканском полуострове и о протоболгарах.

Картина жизни и быта древнейших обитателей территории Болгарии воссоздается ученым буквально по крупицам. Тщательно анализируется необходимый археологический материал. Данных этих явно не доставало. Впереди были и широкие археологические работы болгарских ученых и написание систематических трудов по древнейшей истории Болгарии.

Естественно, что в очерк о древней болгарской территории включены разделы по истории фракийцев. С.А. Никитин опирается на труды виднейших болгарских античников – Гавриила Казарова и Христо Данова. Не являясь специалистом по древней истории, С.А. Никитин, тем не менее, постоянно старается привлечь внимание читателей на спорные или дискуссионные проблемы фракийской истории, в частности: о времени и месте расселения фракийцев на Балканах, о разграничении фракийской и иллирийской культур, о характере рабовладения у фракийских племен.

Как уже было отмечено, С.А. Никитин рассматривает в этом труде вопрос о происхождении славян, начиная его с утверждения, которое и сегодня можно повторить: "Вопрос о происхождении славянских племен, на основе которых развились впоследствии средневековые славянские народности, в том числе болгарская, в настоящее время еще далеко не решен"⁹. С.А. Никитин активно использует результаты изучения проблемы, опираясь на труды видных исследователей вопросов этногенеза, равно как и данные источников, преимущественно сочинения византийских писателей. Важнейший вывод ученого завершает раздел

о происхождении славян: "В IV–VII вв. общественно-экономический строй славян достиг последнего рубежа первобытно-общинного строя, и они вступили на порог государственности"¹⁰. Подчеркнем, вывод сколь важен, столь и уязвим – ведь такая широкая датировка события едва ли приемлема.

Ни одна серьезная проблема ранней истории болгарского народа не проходит мимо внимания историка. Основательно анализируется вопрос появления славян на Балканском полуострове. С.А. Никитин был блестящим полемистом. Это вполне очевидно проявляется в указанном разделе. Он спорит с Н.С. Державиным, полагавшим, что славяне произошли от фракийцев. С.А. Никитин убежден: "Решение вопроса, предложенное Н.С. Державиным, не может быть принято. Оно построено на ошибочной, антимарксистской теории Н.Я. Марра о стадильности в развитии языков"¹¹. Проблема появления славян на Балканах явно спорная и в значительной мере потому, что источников недостаточно или они разноречивы. В таких случаях С.А. Никитин деликатен: он не опровергает резко отличающиеся от его собственных взгляды, ограничиваясь изложением различных точек зрения. В то же время историк полагает: "... что касается массового проникновения славян на полуостров в VI–VII вв., то этот факт не вызывает никаких сомнений, так как он получил обстоятельное освещение в трудах древних авторов"¹². Известно, что до сих пор о времени заселения славянами Балкан спорят ученые и сегодня вопрос нельзя считать окончательно решенным. Мнение, высказанное в свое время С.А. Никитиным, и опровергается и подтверждается. Недавно несколькими советскими авторами было выдвинуто предположение о возможном перемещении части славян вместе с германскими племенами на юг, в пределы Подунавья и отчасти на Балканы еще в III–IV вв.¹³ К заключению о появлении славян на полуострове в IV в. пришли болгарские ученые В. Георгиев и К. Влахов¹⁴. Спорадическое проникновение славян на Балканы имело место в IV–V вв., а массовые их вторжения начались в VI в., полагает В. Тыпкова-Заимова¹⁵. Возможную инфильтрацию славянского населения на Балканский полуостров еще в III–IV вв. допускает Д. Ангелов¹⁶.

В целом же воссозданная С.А. Никитиным картина поэтапного появления славян на Балканах верна. Ее, конечно, можно дополнять или в незначительной мере корректировать.

Социальные и политические отношения у балканских славян в VII–VIII вв. – этот сюжет избран С.А. Никитиным для рассмотрения в одном из последующих разделов указанного коллективного труда. Здесь встречаем следующее заключение: состоялась мирная встреча славян со старым местным фракийским населением. Этот вывод можно оспорить, ведь согласно современной историографии "к началу славянских вторжений фракийцы не сохранились этнически как особый народ"¹⁷. В то же время абсолютно прав С.А. Никитин, полагая, что "славяне усвоили некоторые элементы фракийской культуры"¹⁸. Хотя в данном случае ученый осторожен в своем заключении, полагаясь на мнения других историков. Заселение славянами Балканского полуострова – эта постоянная проблема славистики. Она, естественно, присутствует и в рассматриваемом очерке Никитина. Профессор стремился быть предельно точным, обращаясь к реалиям исторической географии, потому и вывод о расселении славян на полуострове весьма конкретен. Позволим себе привести достаточно обширную цитату на эту тему: "В Добрудже обитали северы (северяне). В придунайской низменности расположилось большое славянское объединение, известное под наименованием "семи племен". Западнее, в области р. Тимок, жило племя Тимочан, по течению реки р. Моравы обитали моравяне. В северо-западной части Фракии, на отрогах Родопских гор и Старой планины, жили драговичи (драгувиты). К югу от Старой Планины, в бассейне р. Струмы, находились стримонцы (струменцы или струмяне), близ побережья Эгейского моря в междуречье Струмы и Метсы Месты расположилось племя смрлян. К северу от Халкидонского полуострова в междуречье Вардара и Струмы были известны ринхины. В Македонии, в бассейне р. Цоны, жили берзиты"¹⁹. Согласимся, что в подобной тщательности ученого есть нечто от доброй старой школы историографии, с ее точностью и неторопливостью. Замечу, кстати, что мой учитель всегда считал, что торопливость в научной работе абсолютно недопустима.

Продолжим путешествие по страницам глав, написанных С.А. Никитиным для коллективного труда "История Болгарии". Речь идет об общественном строе славян до заселения ими Балканского полуострова и после посещения. Основные выводы учебного таковы: общественный строй славян до заселения достиг последних ступеней развития первобытно-общинных отношений, на новой территории племя являлось не родовым, а территориальным объединением со слабыми остатками родовых связей.

С.А. Никитин опирался на данные "Земледельческого закона" – юридического памятника Византии начала VIII в. Увы! Подобного этому славянского юридического свода или просто не сложилось или не сохранилось, посему и нынешние ученые при анализе социально-экономического положения на Балканах, оперируют данными лишь этого памятника.

В упомянутом коллективном труде совсем небольшой параграф посвящен теме образования первых славянских государств на Балканском полуострове. Впоследствии С.А. Никитин не раз и не два обратится к этой теме, расширяя и углубляя ее толкование. Пока же ученый развивал следующие тезисы: у славян протекал распад родовых связей, хотя сохранялись остатки родовых отношений; складывалась территориально-племенная организация, объединившая соседские сельские общины. Эти объединения являлись племенными княжествами, т.е. уже политическими объединениями. Налицо, таким образом, были предпосылки образования государства у славян.

Важнейший его вывод: первые славянские государства возникли на Балканах еще в VII в. "Славянское объединение известное под наименованием "Семи славянских племен", – писал Никитин, – было раннефеодальным государством, где основной фигурой был свободный славянский крестьянин, постепенно закрепощаемый со стороны усилившихся землевладельцев"²⁰. Этот решительный тезис подвергся в последующей историографии корректировке. Теперь полагают, что процесс сложения первого болгарского государства, был весьма длительным и занял значительное время и после заключения мирного договора Болгарии с Византией в 681 г., а "в славениях лишь создавались условия для возникновения государственных форм общественной жизни"²¹

Но ведь все дело в том, что у нас нет надежных источников, позволяющих безоговорочно защищать тот или иной вывод.

Наконец, еще один раздел упомянутого коллективного труда принадлежит С.А. Никитину. Он посвящен протоболгарам. Заметим, что этот раздел более обширен, нежели предыдущий. Более того, раздел как никакой другой, насыщен историографической информацией, с очень точной характеристикой проблемы. Позволим себе процитировать следующий абзац: "Вопросу о происхождении и древней истории протоболгар посвящена большая научная литература. Еще в конце XVIII в. проблема протоболгар привлекла внимание историков и до сих пор она не потеряла своего интереса. Письменные источники не дают убедительного и ясного ответа на вопрос о происхождении протоболгар. Археологический материал, который должен помочь в решении проблемы, добыт в недостаточном количестве, мало изучен и нередко истолковывался тенденциозно. Необходимо специальное археологическое изучение приазовского района, где обитали протоболгары до переселения на Дунай, и параллельное проведение раскопок в тех частях Восточной Болгарии, которые хранят и поныне нераскрытые остатки протоболгарской культуры"²². Согласимся, что в этом коротком отрывке содержится целая программа научного изучения протоболгарского вопроса.

Протоболгарской проблемой С.А. Никитин вполне владел, как литературой, так и источниковой базой этого сложного явления. Это позволило ему рассмотреть протоболгарскую историю, начиная с 30-х годов IV в. и вплоть до 80-х годов VII в., когда Византия оказалась вынужденной примириться с создавшимся положением, заключила мир с протоболгарами и признала их хозяевами захваченной территории. И все же свои труды С.А. Никитин писал в сложное время, а точнее, и, может быть, это вернее, во времена тоталитарно упрощенные, когда буржуазная историография шла в неперменном сопровождении эпитета "реакционная", а славяне считались "самыми самими...". Противостоять этому ненаучному стереотипу было почти невозможно. Поэтому отметим вынужденность некоторых выводов С.А. Никитина. Например, такого: "Реакционные авторы всячески преувеличивали роль протоболгар в судьбах Балканского полуострова... Реакционная

буржуазная историография утверждала, что славяне не способны к государственной организации, не обладали своей культурой, что всюду на Балканском полуострове, где славян не спасла организующая сила протоболгар, они были поглощены другими народами"²³.

Ученый был убежден в том, что, когда протоболгары пришли на Балканы, государство у славян уже существовало. Источники же вовсе не давали ответа на столь сложный вопрос. Более того, этот вывод вступал в противоречие с той конкретной ситуацией в Болгарии, где именно протоболгарская знать заняла господствующее положение в управлении страной. Пришельцы протоболгары полностью и бесследно растворились в славянской среде – к такому выводу пришел С.А. Никитин. Выводу – очевидно ошибочному. Но не это в данном случае главное. Хотелось бы еще раз сказать, сколь трудно работать творческому человеку в мертвящих объятиях официальной догматической идеологии. Еще раз напомним, читателю, что вышеупомянутый коллективный труд по истории Болгарии, точнее, его первый том увидел свет в 1954 г. Стало быть писался он в начале 50-х годов.

Наступала эпоха постсталинизма, впереди была первая короткая весна свободы начала 60-х годов.

В 1957 г. кафедра истории южных и западных славян исторического факультета Московского университета выпустила учебник по истории зарубежных славян, написанием которого руководил профессор С.А. Никитин. Страницы учебника, на которых излагается история Болгарии, включая и ее средневековье, написаны им же. Обратимся к ним.

Начинается изложение с раздела о происхождении славян, где в сокращенном виде сформулированы выводы, присутствующие в соответствующих разделах "Истории Болгарии". Но не только. С.А. Никитин был опытным педагогом, и, видимо, именно поэтому насыщает небольшой параграф о происхождении славян подробными историко-географическими сведениями, конкретными данными о границах расселения славянских племен. Профессор счел необходимым обратиться к описанию и анализу общественно-экономического строя славян в IV–VI вв., т.е. до поселения их на Балканах. Представив студентам реалии этого

строю (хозяйство, общественные отношения, степень развития военного искусства, политическую власть), С.А. Никитин еще раз решительно повторил свое прежнее заключение: "Славяне IV–VI вв. находились на стадии разложения первобытно-общинного и формирования классового строя. Они вступили уже на порог государственности"²⁴.

С.А. Никитин счел необходимым в соответствующих небольших параграфах изложить историю славянских вторжений на Балканский полуостров, последствия славянской колонизации, дать характеристику хозяйства и общественного строя славян. И эти разделы насыщены подробными историко-географическими сведениями.

Из огромного комплекса проблем, встающих перед исследователем в связи с изучением истории Болгарского государства в VII–IX вв., С.А. Никитин избирает для изложения в учебнике, пожалуй, самые главные. Речь идет о протоболгарах, их происхождение и расселение, о социальноэкономическом строе Болгарского государства в VII–IX вв., политическом развитии страны, оформлении феодальных отношений и принятии христианства.

Именно на страницах учебника по истории южных и западных славян С.А. Никитину удалось дать сводный очерк болгарской истории, начиная с конца XI и вплоть до XV в. В нем находим важные обобщающие выводы ученого: в Болгарии к концу IX в. завершился в основных чертах процесс складывания феодальных отношений и образовалось два основных класса феодального общества – зависимое крестьянство и феодалы. Еще одно важное заключение: "К X в. процесс ассимиляции славянами протоболгар, а также остатков старого дославянского населения заканчивается и складывается древнеболгарская народность"²⁵.

Вполне естественно, что на скурых страницах учебника можно было лишь кратко представить такие сюжеты, как войны с Византией, включая подчинение Восточной Болгарии Византией в конце X в. и завоевание всей Болгарии империей в начале XI в.

Закономерно следующим сюжетом стала история Болгарии под византийским господством. С.А. Никитин отрицательно оценивал последствия византийского владычества в Болгарии.

В изложении последующих событий, развернувшихся на болгарской территории в XIII–XIV вв. С.А. Никитин делает акцент прежде всего на анализ внутренних событий, преимущественно социально-экономических. Политические реалии изложены сравнительно кратко.

С.А. Никитиным написан раздел учебника, в котором представлены события завоевания Балканского полуострова турками-османами. И сегодня едва ли можно что-нибудь возразить против следующего сделанного им вывода: "Разобщенность сил южнославянских народов, раздробленных на ряд отдельных феодальных владений, не дала возможности оказать сильного сопротивления турецким завоевателям"²⁶. Южные славяне спасли Западную Европу от турецкого нашествия. И этот вывод вполне справедлив.

Работа над учебником была завершена. Профессионально академические интересы профессора С.А. Никитина были в области истории Болгарии XVIII–XIX вв., а не средневекового периода. История болгарского возрождения, болгаро-русских общественных и культурных связей стала предметом его углубленного научного исследования, воплотившегося в две солидные монографии²⁷ и серию статей и публикаций. К болгарскому средневековью С.А. Никитин, тем не менее, обращался, когда писал многочисленные небольшие статьи для энциклопедических изданий, руководил работой своих учеников, готовивших дипломные работы или кандидатские диссертации, обычно на предложенные профессором темы. В числе учеников Сергея Александровича Никитина и автор этих строк.

Примечания

¹ *Никитин С.А.* Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография // Славянское источниковедение. М., 1965. С. 12.

² *Он же.* Воспоминания о гимназических годах // Из истории университетского славяноведения в СССР. Сб. ст. и матер. к 80-летию С.А. Никитина. Публикация А.Е. Москаленко. М., 1983. С. 120–142.

³ *Никитина Е.А.* Из воспоминаний сестры о брате – профессоре Сергее Александровиче Никитине // Из истории университетского... С. 144.

⁴ История Болгарии. М., 1954. Т. I. С. 13–54.

⁵ *Никитин С.А.* Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. 1952. № 1. С. 131–155.

⁶ См.: История Болгарии. Т. I.

⁷ *Никитин С.А.* Образование болгарского народа... С. 134.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ История Болгарии. Т. I. С. 32.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ Там же. С. 38.

¹² Там же.

¹³ *Бромлей Ю.В., Королюк В.Д.* Славяне и волохи в Великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма; и др.

¹⁴ *Георгиев В.* Въпроси на българската етимология. С., 1958. С. 67; *Влахов К.* Трако-славянски успоредици // Годишник на Софийский университет. С., 1965. С. 176.

¹⁵ *Тъпкова-Займова В.* По някои въпроси за етнически промени на Балканите през VI–VII в. // Известия на Института за история. С., 1963. Т. 12. С. 81.

¹⁶ *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. С., 1971. С. 115.

¹⁷ Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 25.

¹⁸ История Болгарии. Т. I. С. 47.

¹⁹ Там же. С. 48.

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Краткая история Болгарии. С. 43.

²² История Болгарии. Т. I. С. 54.

²³ Там же. С. 57.

²⁴ История южных и западных славян. М., 1957. С. 11.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Там же. С. 67.

²⁷ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России. М., 1960; *Он же.* Очерки по истории южных славян и русско-болгарских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.

БОЛГАРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ТРУДАХ С.А. НИКИТИНА

В научном творчестве профессора С.А. Никитина, сыгравшего значительную роль в становлении советского славяноведения, большое место занимали проблемы истории Болгарии, особенно эпохи национального возрождения. Будучи историком широкого профиля, С.А. Никитин с самого начала своей научной деятельности подчеркнутое внимание уделял источниковедческой тематике. Признанный специалист по источниковедению истории России XIX в., он и в собственно исторических исследованиях опирался на выявленные им источники, открывая новые пласты истории связей России и зарубежных славянских народов. Благодаря его активной научной и преподавательской деятельности в Институте славяноведения АН СССР и Московском университете в отечественном славяноведении сложилось научное направление, связанное с изучением общественных связей народов России и балканских стран.

Для создания истории отечественного славяноведения в XX в. крайне важно оценить научное наследие С.А. Никитина, уточнить значение его творчества. Такая работа только начинается¹, в ее рамках необходимо выделить вклад С.А. Никитина в историографию болгарского национального возрождения. В его славистических интересах болгаристика занимала главенствующее место, особенно период подъема освободительной борьбы болгарского народа на завершающем этапе национального возрождения в 50–70-е годы XIX в.

Строго говоря, в исследованиях С.А. Никитина превалировали вопросы российско-болгарских отношений и связей. Плодотворный характер этого направления, опиравшийся на масштабную изыскательскую источниковедческую работу, на десятилетия определил тематику творчества С.А. Никитина, а также его многочисленных учеников и сотрудников. Это не исключало опасности отхода от истории внутренних проблем балканских стран,

в том числе Болгарии. Однако С.А. Никитин не обходил их в своих работах, принимал участие в обобщающих трудах по истории Болгарии. Кроме того, для историографии истории балканских стран периода борьбы за восстановление собственной государственности большое значение имела реконструкция их связей с Россией. Это объективно определялось ролью данной проблематики в решении общеисторических вопросов, а также дополнительной мобилизацией источниковой базы русского происхождения.

Все это позволяет говорить об актуальном звучании сегодняшнего обращения к изучению наследия С.А. Никитина, выяснению соотношения его результатов и концепций с современным состоянием исторической науки. Историография болгарского национального возрождения динамично развивается, постоянно возникает потребность в обобщении накопленного опыта, переоценке и уточнении творчества крупных историков, к числу которых принадлежит и С.А. Никитин.

Начиная целостное изучение научной деятельности С.А. Никитина, целесообразно высказать ряд соображений о формировании интересов историка, условиях, оказавших влияние на складывание его научных и идейных позиций. В его профессиональной подготовке, включая обучение в 4-й гимназии г. Москвы и на историко-филологическом факультете Московского университета (преобразованном в факультет общественных наук), удачно соединялись лучшие традиции отечественной науки как в области медиевистики, так и истории нового времени. Это относится тематически и к отечественной, и к всеобщей истории. Уже в Институте истории РАНИОН молодой историк фактически разработал аспирантскую тему "Русско-турецкая война и русская политика в Болгарии в 70-е годы XIX в.". С.А. Никитину было рекомендовано продолжить исследование с учетом архивных материалов. В 1928–1929 гг. он ассистировал проф. Сказкину С.Д. в семинаре по истории связей славянских народов с Россией. Эта работа на этнологическом факультете университета в так называемом цикле южных и западных славян, а также профессиональные контакты с университетским болгаристом-филологом А.М. Селищевым укрепили интерес молодого историка к указанной проблематике.

В то же время нельзя не отметить, что формирование С.А. Никитина как ученого протекало в сложных условиях непримиримой идеологической борьбы в стране, сопровождавшейся административными расправами и прямыми репрессиями. Многие в истории этих процессов в исторической науке конца 20-х и начала 30-х годов, в частности в отношении славяноведения, еще предстоит восстановить и переоценить. Так или иначе в 30-е годы широкие интересы С.А. Никитина нашли свое выражение преимущественно в области источниковедения, по этой тематике им была защищена кандидатская диссертация.

Солидная источниковедческая основа позволила историку определить собственную исследовательскую проблематику: общественные связи России с зарубежными славянами. Сознательное ограничение тематики, некоторое отстранение от истории внешней политики официальной России было связано, на наш взгляд, и с непростыми изменениями, происходившими в исторической науке. В упрощенном виде политическая смена акцента с идеи подготовки мировой революции на учет государственных интересов СССР выражалась в устранении вульгарно-социологических концепций внешней политики России. Однако на практике это сопровождалось усилением идеологической борьбы в науке. В историографии русско-болгарских отношений, не имевшей солидных исследований, появился тенденциозно подобранный сборник материалов под характерным названием "Авантюры русского царизма в Болгарии"². Его односторонняя направленность была созвучна первым послереволюционным публикациям, но диссонировала с новыми веяниями. Появление сборника было связано с популярностью прибывшего в Москву героя лейпцигского процесса Г. Димитрова³. Спустя десятилетия С.А. Никитин неоднократно высказывался о невысокой научной значимости этой публикации. Однако в 30-е годы она не получила развернутых отзывов, зато "руководящее" значение приобрела критика И.В. Сталиным оценок Ф. Энгельса, данных в свое время внешней политике России. В 30-е же годы произошел и резкий перелом в отношении к славяноведению: от преследований ленинградских ученых в начале десятилетия до организационной поддержки исторической славистики в его конце. Эти из-

менения безусловно оказывали свое воздействие и на субъективистские подходы историков к проблематике.

Это, вероятно, отразилось и на выборе С.А. Никитиным темы докторской диссертации – "Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.", успешно защищенной в 1947 г. Этот огромный труд разрабатывался автором и позднее, на основе его были подготовлены монографии и статьи, составившие новые представления о русско-болгарских общественных связях на завершающем этапе болгарского национального возрождения. Попутно необходимо поставить вопрос о новом просмотре громадного текста диссертации С.А. Никитина для возможной подготовки публикации ее материалов, остающихся малодоступными для современных исследователей.

В книгах С.А. Никитина "Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг." (М., 1960) и "Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в." (М., 1970) значительное место уделено русско-болгарским отношениям и общественным связям. В этих книгах и примыкающих к ним статьях⁴ С.А. Никитин сумел восстановить на основе архивных источников и богатейших материалов русской периодической печати историю болгарского города, демографическую ситуацию в болгарских землях, показать связи болгарского национального движения с общественностью России. Без преувеличения можно сказать, что эти работы явились новаторскими и оригинальными, они существенно обогатили историческую картину болгарского национального возрождения. Они сохраняют свое научное значение и сегодня.

Среди большого количества исследований С.А. Никитина по истории Болгарии необходимо выделить его главы в академическом издании "История Болгарии" (М., 1954, т. I) и первом университетском учебнике "История южных и западных славян" (М., 1957). В небольшом разделе, посвященном историографии болгарского возрождения, С.А. Никитин дал его обобщенное концептуальное изложение. Содержание эпохи определялось им как возникновение капиталистических отношений, формирование буржуазной нации и связанного с этим национально-освободительного движения⁵. Это было созвучно выводам болгарских

ученых Ж. Натана, Д. Косева, советского академика Н.С. Державина. Опираясь на сталинские выводы о социальном содержании процесса формирования буржуазных наций, С.А. Никитин сумел обобщить масштабный фактический материал по многим еще не исследовавшимся к тому времени сложным проблемам и дать ясную картину буржуазного развития Болгарии, усиления освободительной борьбы в результате широкого участия крестьянских масс. В ходе дискуссий, проходивших в 70-е годы⁶, фактически были повторены основные положения, выдвинутые С.А. Никитиным.

Концепция национального возрождения, данная С.А. Никитиным, в хронологическом аспекте весьма противоречива. Он определял рамки этой эпохи, или периода, как это было подчеркнуто, концом XVIII в. — первой половиной XIX в.⁷. По сути это синтез концепции болгарского ученого Ж. Натана⁸ и старых представлений болгарской историографии, идущих от работ историка И. Шишманова⁹. Такое сужение исторических рамок эпохи контрастировало с определением ее содержания. Сложность вопроса, однако, подтверждается и современным состоянием историографии, в которой сосуществуют различные точки зрения о начале и завершении эпохи национального возрождения.

К обобщающим работам необходимо отнести и небольшую статью, написанную С.А. Никитиным к Международному съезду славистов в Праге¹⁰. В ней речь идет о формировании буржуазных наций у южных славян. Можно высказать предположение, что историк чувствовал и слабость и прежних схематических представлений, основанных на известных сталинских работах, и преувеличений, имевшихся в историографии балканских стран по вопросу о времени завершения формирования буржуазных наций. В этой связи можно рассматривать эту лаконичную интересную работу как квинтэссенцию исследовательского поиска автора. Не останавливаясь на многих деталях подхода С.А. Никитина к этой сложной проблеме, необходимо выделить новаторские обобщения социальных и национальных аспектов формирования буржуазных наций, взаимовлияния материальных и духовных сторон этой научной абстракции, которая все больше становится предметом острых теоретических дискуссий, в том числе и в самое последнее время.

В небольшой статье невозможно дать полную характеристику многочисленных исследований С.А. Никитина по истории болгарского национального возрождения. Тем не менее, даже краткий обзор формирования его научных интересов, обобщающих выводов и тематической направленности этих работ позволяет говорить о вкладе С.А. Никитина в развитие научных представлений об этой важной эпохе болгарской истории. Помимо этого нельзя не сказать, что его сотрудники и ученики, консультировавшиеся у него историки продолжали и развивали никитинские воззрения о русско-болгарских общественных связях. Это опосредованное влияние С.А. Никитина на историческую науку продолжается и сегодня, что является лучшим свидетельством продуктивности и плодотворности его научного наследия.

Примечания

- 1 См.: *Вяземская Е.К., Данченко С.И.* Россия и Балканы: Конец XVIII – 1918 г. (Советская послевоенная историография): Обзор. М., 1990; *Историография истории южных и западных славян.* М., 1987; и др.
- 2 *Авантюры русского царизма в Болгарии.* Сб. документов. М., 1935.
- 3 Там же, С. V.
- 4 *Никитин С.А.* Россия и освобождение Болгарии // *Вопросы истории*, 1978, № 7; он же. Восточный кризис 70-х годов XIX века в новейшей литературе // *Краткие сообщения Института славяноведения.* М., 1964, № 40; и др. Ряд работ С.А. Никитина проанализирован в статьях С.П. Бобровой, В.И. Фрейдзона, И.В. Чуркиной в сборнике "Славяне и Россия" (М., 1972), изданном к 70-летию историка.
- 5 *История Болгарии.* М., 1954. Т. I. С. 214–216.
- 6 См.: *Българската нация през Възраждането* (Сборник от изследвания). С., 1980; а также материалы дискуссии в журнале "Исторически преглед" (С., 1978, 1979 гг.).
- 7 *История болгарии.* М., 1954. Т. I. С. 214.
- 8 *Натан Ж.* Болгарское возрождение. М., 1949, С. 25.
- 9 См.: *Шишманов Ив.* Избрани съчинения. С., 1985–1971. Т. 1-3.
- 10 *Никитин С.А.* Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. // *История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Международный съезд славистов: Доклады советской делегации.* М., 1968.

СЕРБСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В ТРУДАХ С.А. НИКИТИНА

Вклад Сергея Александровича Никитина в изучение истории Сербии, сербо-русских связей трудно переоценить. Его во многом можно назвать первопроходцем. С.А. Никитин со свойственной ему тщательностью и скрупулезностью взялся за распутывание клубка проблем русско-сербских отношений, найдя верную нить: Россия на Балканах. Неустанно разрабатывая эту магистральную тему, он сумел определить тот круг проблем, которые абсолютно не были изучены, или были изучены поверхностно.

Сербия поначалу органично входила в проблематику его исследований всего балканского региона. Но постепенно ее внутренняя история, проблемы развития сербской государственности, культурные, общественные и политические связи с Россией, балканскими соседями, европейскими великими державами привлекали все большее внимание историка. Никитин сумел понять неоднозначность русской "покровительственной" политики по отношению к Сербии, которая оказалась для России довольно строптивым объектом как для благодеяний, так и для требований и указаний. Ученый-аналитик, Никитин сразу же отошел от избитых схем "русского диктата" или, напротив, "русского безразличия" к судьбе Сербии. Не остановился он и на достаточно удобном варианте: теории о преследовании царской Россией своих колониальных, имперских целей без учета интересов балканских народов. Эта, столь бы хорошо вписавшаяся в дух "разоблачительных" исследований 30–40-х годов (идея была чужда Никитину своей неоднозначностью и примитивностью).

Ученый подошел к решению исследовательской задачи, как сейчас принято говорить, системно, он определил последовательность возможности решения исторической проблемы, этапы работы над ней. Особенно важно отметить в исследовательском почерке Никитина известный, необходимый даже, скептицизм, неприятие одномерных характеристик. Чтобы разбить стену сло-

жившихся в исторической, публицистической и мемуарной литературе штампов, требовался хорошо выверенный фактический материал, нужны были новые источники. Признанный специалист в области отечественного источниковедения, Никитин неустанно вел не только поиск источников, но и, самое главное, их систематизацию.

Не лишне еще раз напомнить известный факт, что практически все серьезные научные публикации по истории сербо-русских отношений в XIX в., многотомные издания, продолжающие выходить и по сей день, задумывались и реализовывались С.А. Никитиным. Это, конечно, прежде всего – "Освобождение Болгарии от турецкого ига", первый том которого практически полностью посвящен сербской проблематике¹, "Первое сербское восстание и Россия"², многочисленные публикации в "Славянском архиве", материалы из архива М.Ф. Раевского³. Публикации, подготовленные Никитиным и его соавторами и продолжателями, образцовы. Труд "Освобождение Болгарии от турецкого ига" выполнен в лучших традициях публикации источников – документы на языке оригинала, переводы, комментарии, подробные указатели. Такие издания делают честь нашей науке.

Следовательно, первое, что следует отметить, анализируя сербскую проблематику трудов Никитина – это неустанный поиск и издание документов, которые позволяют современному исследователю выйти на новые темы в изучении не только характера русско-сербских отношений, но и собственно внутрисербской истории. Выявление документов, уточнение известных публикаций, разоблачение фальсификатов – постоянные объекты внимания С.А. Никитина. Серьезный анализ источников, обстоятельное изучение всего корпуса документов определенного исторического периода позволили Никитину вести аргументированную критику превратных толкований характера русско-сербских отношений, уточнять конкретные факты. Показательна в этом отношении небольшая работа о характере так называемой конвенции "Карагеоргий-Паулуччи", где Никитин разбирает по пунктам статьи конвенции, комментирует их и реконструирует автора статей⁴.

Вторым, не менее важным направлением в творчестве Никитина как исследователя сербской истории является его учеб-

но-методическая, научно-популяризаторская деятельность по созданию хрестоматий по истории средних веков и новой истории, учебников по истории СССР, новой истории, истории южных и западных славян. Наконец, его редактирование и авторское участие в издании академической двухтомной "Истории Югославии"⁵. Эти, сейчас уже прочно вошедшие в научную и педагогическую практику труды Никитина, впервые в отечественной литературе органично вплетали события сербской истории в общеевропейскую и всемирную хронику событий, предоставляли ей достойное место в курсах по истории средних веков и новой истории, позволяли проводить компаративный анализ процессов национального возрождения, национально-освободительной борьбы и формирования буржуазных государств. Аналогичная работа проделана ученым в курсах источниковедения и историографии.

Эту трудоемкую, но важную деятельность Никитин сочетал с трудом рецензента и критика, постоянно откликавшемся на новые книги по истории Югославии и Сербии, выходявшие как в нашей стране, так и за рубежом. Его рецензии, как правило, поднимали новые вопросы, расширяли круг исследовательских задач.

И, наконец, собственно исследования Никитина, посвященные сербской истории. Хронологически они преимущественно относятся к XIX в., проблематика их достаточно разнообразна. Одной из основных тем в исследованиях ученого стало национальное возрождение сербского народа. Естественно, что значительное место занимают здесь события Первого и Второго сербских восстаний, отношение к ним официальной России, дипломатическая и военная стороны сербо-русских отношений в этот период. Изучая восстания, ученый обращался и к первым исследователям по истории сербского национально-освободительного движения – к трудам Вука Караджича и Леопольда Ранке⁶. Вук Караджич занимает определенное место в творчестве Никитина. Ученый изучил не только русские контакты Караджича, но и воссоздал научную биографию великого сербского ученого, показал какие события и личности оказали влияние на формирование его общественно-политических взглядов, проследил эволюцию этих взглядов. Караджич из хрестоматийного, глянцевого просветителя и собирателя фольклора предстает в небольших по объему работах Ни-

китина как вздумчивый историк, опытный политик, проницательный общественный деятель. Простота и ясность стиля Никитина поражают в оценке им пресловутого "русофильства" Караджича: "Нет никаких оснований думать, — пишет ученый в статье "Вук Караджич и Россия", — что объективная оценка роли России в деле освобождения Сербии сочеталась у Караджича с положительным мнением о государственном и общественном строе России. Получая в России поддержку, Караджич просто не считал нужным касаться внутренних русских вопросов"⁷. Так понять и оценить позицию Караджича мог не только ученый, владеющий материалом, но и прежде всего человек глубоких нравственных и этических правил и норм. Высокий нравственный потенциал историка играет далеко не последнюю роль в его творчестве. Ибо часто случается, что искажение исторической картины происходит не от незнания тем или иным историком фактической стороны дела, а от неверной трактовки им побудительных мотивов действий его героев.

Отдал должное С.А. Никитин и изучению революционной и революционно-демократической теории и практики в сербских землях. Этому посвящены его работы об участии сербов Воеводины в революционных событиях 1848 г.⁸ Здесь хотелось бы отметить, что сербская проблематика в трудах Никитина, безусловно, не ограничивалась пределами Белградского пашалыка, или впоследствии Сербского княжества. Воеводинские сербы как составная часть общесербского возрождения, а на определенном этапе и культурная элита сербского общества постоянно присутствуют в трудах ученого. Столь же органично для Никитина при изучении проблем развития внешнеполитической практики Сербии обращение к черногорским сюжетам, изучение взаимоотношений между Сербией и Черногорией.

Революционно-демократическая мысль, получившая сейчас благодаря трудам учеников и продолжателей Никитина довольно полное освещение в отечественной историографии, также затрагивалась в исследованиях ученого. Поначалу лишь тогда, когда он писал о сербских корреспондентах в русской периодической печати, о сотрудничестве русской и сербской революционной молодежи, затем непосредственно обращались к личностям Светозара Марковича и Димитрия Туцовича.

И, пожалуй, главное направление в сербской проблематике трудов Никитина, которое занимало его больше всего, — отношение русской дипломатии и русского общества к Сербии в 50–70-е годы XIX в. Здесь Никитин непревзойден, он открыл своими трудами⁹ широкую дорогу исследователям. И надо отметить, что этой дорогой идут уже десятки ученых. Здесь нами многое сделано, но первопроходцем был Никитин. Да, в этой области можно многое без конца уточнять, дополнять, углублять, а это, безусловно, легче, чем самому пробиваться в неизведанный материал.

Главные выводы Никитина, благодаря солидной работе с источниками по этой проблеме, хорошо аргументированы и убедительны. Подробно эту сторону деятельности Никитина проанализировали коллеги В.И. Фрейдзон и И.В. Чуркина еще двадцать лет назад в своей статье "Исследования С.А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50–70 годы XIX в."¹⁰ Они подчеркивали, что в трудах Никитина "показано в силу какого исключительного сочетания обстоятельств балканская политика царской России в конце 50-х — 70-е годы XIX в. способствовала интересам южных славян — их национального освобождения, а с ним и уничтожения феодальных отношений"¹¹.

Тщательный анализ буквально каждого года в отношениях России и Сербии в период 50–70-х годов XIX в. ведется Никитиным практически во всех его трудах и контексте внешней политики России, прежде всего ее балканской политики. Вместе с тем Никитин уделяет внимание тому особому месту, которое занимала Сербия в русских планах. Документально подтверждает развитие Горчаковым идеи о "Сербии как ядре, вокруг которого будут группироваться славянские элементы, обреченной на распадение Турции"¹².

С особым блеском выполнено Никитиным изучение позиции официальной России в годы восточного кризиса 1875–1878 гг. Никитин проследил буквально каждый шаг русской дипломатии, направленный на мирное урегулирование конфликта и отстаивание интересов балканских славян. По-новому трактуется им и значение важнейших политических международных документов этого времени. Так, он показывает неоднозначность отношения и даже недоверие части русских дипломатов к ноте Андраши,

считавшейся ранее в литературе чуть ли ни панацеей для решения восточного вопроса. Сложнейший вопрос о Рейхштадтском свидании также пересмотрен ученым. Он указал на предварительный и условный характер переговоров, предлагал именовать их именно переговорами, а не соглашением. Это принципиально важно в определении позиции России по вопросу о судьбе Боснии и Герцеговины на начальном этапе восточного кризиса.

Ясна, коротка и выразительна характеристика Никитина Будапештской конвенции – документа, часто используемого историками разных стран в качестве аргумента о якобы предательской роли России в отношении Сербии и других южных славян. Никитин пишет: "Будапештская конвенция представляется значительной в двух отношениях. Она является шагом к войне, в то же время она означала, что роль России в решении вопросов, относящихся к Боснии и Герцеговине минимальна. Это увеличивало интерес России к судьбе Болгарии"¹³. Характеристика эта точна и беспристрастна, она верно характеризует изменение в расстановке политических сил на европейской арене, драматизм борьбы за влияние на Балканах между Россией и Австро-Венгрией, одновременно эта характеристика пресекает бесплодные дебаты о том, кому из южных славян больше симпатизировала официальная русская дипломатия. Но для такой точной характеристики Никитин изучил и проработал огромный фактический материал, часть которого вошла в первый том публикации "Освобождение Болгарии от турецкого ига".

Тот вклад, который сделан Никитиным в изучение русской общественной мысли и деятельности славянских комитетов и их лидеров, требует отдельной статьи. Здесь мы лишь подчеркнем, что ученый изучил и обобщил огромный фактический материал, существенно изменивший традиционные представления о характере русского общественного движения в защиту борющихся славян. Он доказал независимость действий славянских комитетов от русского правительства, показал их роль в укреплении русско-южнославянских связей, ввел в научный оборот новые архивные материалы, проанализировал русскую периодическую печать того времени.

Характеризуя вклад С.А. Никитина в изучение истории Сербии, следует отметить, что он, практически, первым в отечественной историографии написал комплексные труды по сербской истории XIX в. Ученый занимался проблемами истории, становления и развития независимого сербского государства в XIX в., одного из первых зарубежных славянских государств, восстановивших государственность. Сербия не была единственным объектом исследований ученого, он был специалистом широкого профиля и прежде всего изучал различные аспекты русской общественной жизни XIX в. Никитин показал возможности русских источников в деле изучения балканской в целом, и собственно сербской истории. Многочисленные продолжатели Никитина широко разрабатывали предложенную Никитиным проблематику, и к настоящему времени имеются работы, исследующие практически все этапы русской политики по отношению к Сербии в XIX в. Безусловно, основоположником в этом направлении изучения сербской истории в современной отечественной историографии явился С.А. Никитин.

Примечания

¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: В 3 т. Т. I: Освободительная борьба южных славян и Россия 1875–1877. М., 1961.

² Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980–1982. Т. 1–2.

³ Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975; Белград, 1989, Т. II. Кн. I.

⁴ *Никитин С.А.* О так называемой "конвенции Паулуччи-Кара-Георгий" // *Balkanica*. Белград, 1977. С. 235–243.

⁵ История Югославии. Т. I. М., 1963.

⁶ Никитин С.А. Караджич и Ранке. Проблемы историографий. Воронеж, 1960, с. 11–16.

⁷ *Он же.* Вук Караджич и Россия // Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в., М., 1970. С. 318.

⁸ *Он же.* К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г. // УЗИС АН СССР, 1949, № 1. С. 85–118; *он же.* Национальное движение сербов Воеводины в 1848 г. // Революция 1848–1849 гг. Т. I. М., 1952.

⁹ См. подробнее в статье: *Фрейдзон В.И., Чуркина И.В.* Исследования С.А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50–70-х годах XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² *Никитин С.А.* Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50–70-е годы XIX в. // Очерки по истории южных славян... С. 164.

¹³ Там же. С. 177.

С.А. НИКИТИН И ИЗДАНИЕ ДОКУМЕНТОВ

Сергей Александрович Никитин принадлежал к кругу тех ученых-историков, которые глубоко сознавали важность публикации документальных источников для исторических исследований и активно работали в этом направлении. Под его руководством и при его непосредственном участии был подготовлен ряд масштабных публикаций документов по истории балканской политики России и русско-славянских связей XIX в., в том числе трехтомный сборник "Освобождение Болгарии от турецкого ига", двухтомник "Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия", "Зарубежные славяне и Россия" и др.¹

Сергей Александрович уделял этой стороне научной деятельности большое внимание. Он справедливо рассматривал публикацию документов, как научно-исследовательский труд особой формы, где историческая проблема в отличие от авторского исследования освещается языком документов, подлинных свидетелей эпохи.

Интерес к археографическим работам С.А. Никитин проявил с самых первых лет своей научной деятельности. В числе его первых трудов, созданных в 20-е годы, мы видим ряд рецензий на сборники, изданные Центр-архивом и посвященные рабочему движению в годы русских революций². В этот период Сергей Александрович работал в профсоюзных организациях и опубликовал ряд статей по истории рабочего движения в период революций.

Уже в этих рецензиях молодой ученый обнаружил глубокое знание проблем, освещаемых документами, и указал на существенные пробелы в исследовании темы, вызванные как неиспользованием важных источников, так и поверхностным подходом к отбору документов. Так, он справедливо отметил, что составители сборника "Рабочий вопрос в комиссии В.Н. Коковцева" ограничились публикацией материалов петербургских предпринимателей и не включили в сборник заявления текстильных фабрикантов Центра и горнозаводчиков Юга России, которые по сути

дела сорвали работу комиссии. Это не позволило составителям детально показать борьбу буржуазии против правительства в вопросе о реформе рабочего законодательства.

Анализ изданий позволил С.А. Никитину сформулировать ряд важных положений методического характера. Он правильно подчеркнул, что тема документальной публикации должна быть конкретна и ограничена определенными географическими и хронологическими рамками, ибо широта освещаемой проблемы, как правило, ведет к поверхностному ее отражению. Именно так произошло в сборнике "Рабочее движение в 1917 году", подготовленному В.Л. Меллером и А.М. Панкратовой, где масштабная историческая проблема была представлена только выборочными материалами архивов Москвы и Ленинграда.

Сергей Александрович полагал, что при публикации документов, приоритет должен быть отдан архивным материалам. Он считал неправомерным включение в сборники Центрархива большого количества материалов прессы, источника, более доступного исследователям, чем архивные материалы, и зачастую недостоверного. Наконец, рецензент делал важный вывод о том, что полнота выявления и отбора документов есть фактор, в наибольшей степени способствующий глубине освещения темы.

В названных рецензиях С.А. Никитин еще не говорил о вопросах археографической методики, но вскоре они также попадают в поле его зрения. В рецензиях на известную публикацию Павловича "Авантюры русского царизма в Болгарии", изданную в 1935 г., а также на номера журнала "Красный архив" за 1935–1937 гг.³ Сергей Александрович касается таких вопросов, как необходимость археографического введения к публикации, где составители должны сообщать о просмотренных ими фондах, о принципах отбора документов к печати. Он говорит о важности оговорок, касающихся особенностей и неисправностей текста публикуемых документов. С.А. Никитин резко критиковал издателей за отсутствие архивных шифров и комментариев к документам, чем грешили многие издания 20–30-х годов. Он требовал, чтобы каждое издание было снабжено именным указателем. По поводу "Авантюры русского царизма в Болгарии" Никитин пи-

сал, что неудовлетворительные приемы публикации значительно снизили научное качество этого издания. В рецензии на номера "Красного архива" Сергей Александрович высказал, на наш взгляд, очень важное замечание по поводу предисловия к публикации П. Фридлянда "Буланжизм и царская дипломатия", где публикатор позицию русского посла в Париже Моренгейма выдает за мнение российского Министерства иностранных дел. Рецензент подчеркнул, что взгляды русских дипломатических представителей за границей нередко расходились с мнением МИД и поэтому публикация только материалов посла не дает основания говорить о позиции царской дипломатии в целом.

Глубокие суждения С.А. Никитина по принципиальным и частным вопросам археографии имели тем большее значение, что в 20–30-х годах в СССР еще не существовало правил издания документов нового времени. В своих требованиях к публикации источников он исходил как из опыта дореволюционной археографической практики, так и из задач научного исследования. Впоследствии многие его высказывания нашли отражение в правилах публикации документов.

Как археограф-практик, Никитин начал работать в 30-х годах, когда он принял участие в подготавливаемой Историко-археографическим институтом публикации документов по истории Средней Азии. Однако расцвет его публикаторской деятельности приходится на послевоенный период.

Еще до войны С.А. Никитин проявил себя как глубокий исследователь-источниковед. Изданный им в 1940 г. фундаментальный учебник по источниковедению истории СССР XIX в. был подготовлен на основе одноименного курса, который Сергей Александрович читал в Историко-архивном институте. Здесь впервые давалась классификация источников XIX в., раскрывалось их значение, характеризовались научные приемы их анализа.

Блестящее владение методами источниковедческого анализа С.А. Никитин продемонстрировал в интереснейшей рецензии на изданный в Турции в 1877 г., а затем переизданный в Англии сборник документов "Ответственность". Опубликованные в этой книге документы (материалы российского

посла в Константинополе и консулов на Балканах, документы Московского славянского комитета и др.) должны были, по мысли составителей, возложить на Россию ответственность за разжигание национально-освободительного движения на Балканах в 1875–1876 гг. Изучив эти материалы и сопоставив их с другими источниками, С.А. Никитин сделал убедительный вывод о том, что публикуемые документы были сфабрикованы в Стамбуле в период работы Константинопольской конференции в конце 1876 – начале 1877 г. Целью публикации явилось стремление османского правительства дискредитировать Россию и сорвать усилия, направленные на предоставление автономии христианским провинциям Порты.

После Великой Отечественной войны научные интересы Сергея Александровича сосредоточились вокруг проблем истории балканской политики России и русско-славянских политических и общественных связей 50–70-х годов XIX в. Обширные изыскания по этим сюжетам в архивах и периодике позволили ему создать ряд ценнейших исследований и публикаций. Сначала это были отдельные подборки документов, опубликованные в различных журналах и сборниках: "Литературном наследстве", "Славянском сборнике", "Славянском архиве" и др.⁶ Следует отметить, что в издаваемом с 1958 г. Институтом славяноведения АН СССР по инициативе Никитина ежегоднике "Славянский архив" значительное место было уделено публикации источников. Сергей Александрович, будучи редактором этого издания, активно публиковал документальные подборки, подготовленные молодыми историками, в числе которых были и его ученики. В "Славянском архиве" и других изданиях помещены источниковедческие статьи и публикации документов, подготовленные В.П. Кондратьевой, В.Д. Конобеевым, И.В. Козьменко, Л.П. Лаптевой, Е.П. Наумовым, Д.Ф. Поплыко, А.А. Улуняном, В.И. Фрейдзоном, Н.И. Хитровой и др.

Однако эти археографические работы не имели того масштаба, который Никитин хотел придать археографической деятельности в области балканистики. Разрабатываемая им много лет проблема нуждалась в комплексной публикации хотя бы наиваж-

нейших источников. При подготовке своей докторской диссертации "Вопросы балканской политики России и русское общество в 50–70-х годах XIX в." Никитин вскрыл громадные пласты малоизвестных и неизвестных документов, издание которых могло бы сыграть существенную роль в исследовании разнообразных вопросов истории как внешней политики России, так и балканских стран. Он задумал и осуществил вместе со своими учениками обширную публикацию "Освобождение Болгарии от турецкого ига". Работа над ней началась в конце 50-х годов. Это было время "Археографического бума".

Долгое молчание архивов в конце 50-х годов сменилось невиданной по размаху археографической деятельностью, связанной с изменениями внутривластной обстановки в стране. В конце 50 – начале 60 годов издавались многотомные документальные серии по истории русских революций, внешней политики России и СССР. "Освобождение Болгарии от турецкого ига" было одним из первых изданий, готовившихся совместно с иностранными учеными. В работе принимали участие Болгарская Академия наук и Народная библиотека "Кирил и Методий". К подготовке публикации были также привлечены многие советские фондодержатели – Главное архивное управление с его широкой сетью центральных и местных архивов и Архив внешней политики России МИД СССР, рукописные отделы библиотек им. В.И. Ленина и им. М.Е. Салтыкова–Щедрина и др. Организатором и душой всего издания был С.А. Никитин, а активным его помощником В.Д. Конобеев.

В наши задачи не входит характеристика названной публикации, получившей высокие оценки в советской и зарубежной печати. Мы хотели бы отметить тот вклад, который внес С.А. Никитин в его подготовку, и благодаря чему "Освобождение Болгарии" стало непревзойденным, классическим образцом советского академического документального издания.

Прежде всего укажем на четкую организацию работы и координацию трудов всех учреждений – участников подготовки издания. Сергею Александровичу удалось добиться необходимой согласованности в их работе и убедить их в большой научной и политической значимости публикуемых источников. Центральные

архивы создали максимально благоприятный режим работы для выявителей, благодаря чему в краткие сроки был просмотрен огромный массив дел. Главархив организовал выявление документов для сборника почти во всех республиканских и областных архивах. Залогом успеха явилась также слаженная работа коллектива составителей и комментаторов, среди которых было немало учеников Сергея Александровича и сотрудников его сектора. Особенно значительный вклад внесли Н.В. Зуева, Д.Ф. Поплыко, А.А. Улунян, Е.М. Шагохина. К комментированию документов были привлечены уже известные историки В.Г. Карасев, И.В. Козьменко, М.И. Залышкин и др. С.А. Никитин направлял и организовывал работу составительского коллектива, и для молодых ученых это была прекрасная школа исследовательской и публикаторской работы.

Активное участие в подготовке сборника принимали и болгарские ученые А.К. Бурмов, Н. и Г. Тодоровы, К.Н. Каратеодорова и др.

Под руководством С.А. Никитина было подготовлено еще два академических документальные издания. В 1976 г. вышел в свет сборник "Зарубежные славяне и Россия", являющийся первым томом трехтомной публикации. Сборник подготовлен учеными трех стран – СССР, Югославии и Чехо-Словакии и включает письма общественно-политических и культурных деятелей славянских стран протоиерею русской православной церкви в Вене М.Ф. Раевскому. Другое издание, осуществленное в 1980–1982 гг. – двухтомник "Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия" (совместно с Сербской академией наук и искусств). Выход в свет этой публикации Сергею Александровичу увидеть уже не довелось.

Оба издания также впечатляют масштабами проведенных археографических работ. Как и прежде, Никитин привлекал к их подготовке молодых историков – следующее поколение советских славистов. Это – Е.К. Вяземская, С.И. Данченко, А.В. Карасев, работавшие вместе с опытными исследователями В.П. Грачевым, И.С. Достян, И.В. Чуркиной. В подготовке к печати материалов архива М.Ф. Раевского активное участие принял словацкий историк В. Матула, досконально изучивший этот архив.

Всего же под руководством С.А. Никитина в 60–70-е годы было подготовлено и частично издано около 300 печатных листов исторических документов.

Кратко остановимся на основных принципах публикаторской работы С.А. Никитина.

Основным его требованием к научному изданию документов была полнота освещения темы. Это предопределяло максимально широкое выявление документов и тщательный их анализ на предмет отбора для печати. Работы по выявлению документов были поистине грандиозны и осуществлялись не только коллективом архивистов страны, особенно для "Освобождения Болгарии", где представлены документы из архивов европейской части России, Сибири, Кавказа. Аналогичное выявление было проведено в архивах Болгарии.

Отбор документов к печати на всех этапах всегда осуществлялся Сергеем Александровичем. В отличие от обычной практики, когда ответственный редактор просматривает лишь то, что ему предлагают составители, Никитин лично изучал все выявленные документы и давал заключение о включении их в сборник, либо об использовании в комментариях.

Принципом С.А. Никитина была публикация только новых, неопубликованных ранее документов, причем без всяких купюр.

Отметим, что в археографической практике 60-х годов публикация документов с купюрами была обычным явлением, это нередко порождало произвол составителей и вело к тенденциозному освещению проблемы.

Отбор документов безусловно совершался Сергеем Александровичем целенаправленно. Он стремился к тому, чтобы в документах были отражены основные аспекты избранной темы, все важнейшие факты и события. При этом внимание концентрировалось на тех вопросах, которые ранее были слабо разработаны или не исследованы вообще. Одной из важнейших задач Никитин ставил показ объективной роли России (как официальной, так и российской общественности) в деле национального освобождения славянских народов и становления независимых буржуазных государств на Балканах. Публикуемые документы характеризуют балканскую политику России, как политику, в целом соответ-

вующую интересам славянских народов Балкан. В то же время они свидетельствуют о том, что царизм прежде всего преследовал собственные цели, в достижении которых стремился опереться на славянское национально-освободительное движение.

Серьезной заслугой С.А. Никитина был документальный показ позиции российской общественности в славянском вопросе. Это очень ярко продемонстрировано в таких публикациях, как "Освобождение Болгарии от турецкого ига" и "Зарубежные славяне и Россия". Представлены взгляды и действия буквально всех социальных групп русского общества, начиная от славянофилов и кончая рабочими и крестьянскими массами. Это позволило убедительно показать, что официальная политика царизма в славянском вопросе в 70-х годах испытывала сильное давление со стороны общественных кругов, требовавших эффективной поддержки национально-освободительного движения славянских народов.

Чрезвычайно важным нам представляется тот факт, что С.А. Никитин стремился к показу процессов истории через восприятие и действия конкретных личностей. Он придавал большое значение публикации неофициальных документов, материалов так называемого личного происхождения: писем, дневников, прошений и др. Эти яркие эмоциональные документы представляют нам участников событий — и известных деятелей, и рядовых людей, иногда ничем не замечательных. Правители и деятели национально-освободительного движения на Балканах, генералы и солдаты русской армии, дипломаты и ученые, революционеры и крестьяне предстают перед нами во всем своеобразии их обликов и характеров. Мы видим их равнодушие к происходящему, воспринимаем события через их оценки, их сознание, сопереживаем им и как бы сами становимся участниками прошлого. Такой отбор документов, основанный на интересе составителя к личности участников событий придает всем без исключения публикациям С.А. Никитина большое своеобразие и вызывает широкий интерес к ним. Главный герой в них — человек, а это всегда привлекает внимание широкого читателя. Не случайно все названные сборники расходились в считанные дни и стали сейчас библиографической редкостью.

Сам Сергей Александрович адресовал свои издания в первую очередь историкам-специалистам, и они готовились с соблюдением всех правил археографической методики. С.А. Никитин придавал большое значение и вопросам точной передачи текста, и составлению заголовков, и созданию развернутого научно-справочного аппарата. Особенно внимательно он относился к комментированию публикуемых документов и составлению предисловий. Им лично написаны предисловия почти ко всем указанным сборникам. Они содержат блестящую характеристику публикуемых документов и убедительно раскрывают их значение для исследования избранной проблемы. Для комментариев в сборниках С.А. Никитина характерно стремление довести до читателя большой объем информации, содержащийся в выявленных, но не публикуемых источниках. Исследователи таким образом получают ключ к дальнейшим поискам материалов.

Археографическая подготовка сборников представляла немало трудностей, поскольку источники печатались на языке оригинала, а, как правило, в каждом издании были документы на 4–5 языках. Но научный и организаторский талант Сергея Александровича и тут сыграл свою роль. Он привлек опытных переводчиков-редакторов, работа которых внесла значительный вклад в подготовку изданий. Огромный труд Сергея Александровича, вложенный в документальные издания, окупился сторицей. Созданы высококачественные научные публикации, до сих пор считающиеся лучшими образцами советской археографической продукции, выросли кадры ученых, которые приобрели вкус к археографической работе и осознали ее важность для научного исследования. Издание источников и теперь активно продолжается в рамках очерченных С.А. Никитиным проблем. В 80-е годы вышли в свет первые тома публикаций "Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия, 1850–1878" и "Болгарское национально-освободительное движение и Россия, 1856–1876", "Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в." и др.

Подготовленные под руководством и при участии С.А. Никитина документальные издания являются важнейшей, неотъемлемой частью его научного наследия как ученого-историка, архео-

графа и организатора исторических исследований. Они внесли значительный вклад в советскую историческую науку и археографию, получили признание в СССР и за рубежом как фундаментальные и новаторские труды. И сейчас, рассматривая многолетнюю научную деятельность С.А. Никитина, мы должны с признательностью отметить большую важность этой, может быть, малоизвестной стороны его исследовательской работы.

Примечания

¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: В 3 т. М., 1961–1967; Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980–1982. Т. 1–2; Зарубежные славяне и Россия, Материалы из архива М.Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. М., 1976.

² *Никитин С.А.* Рец.: Рабочий вопрос в комиссии В.Н. Ковковца. Материалы по истории рабочего движения в России. М., 1976 (Вестник труда, 1926. № 7–8; *Он же.* Рец.: Рабочее движение в 1917 г. М., 1926 // Вестник труда, 1927, № 3.

³ *Он же.* Рец.: Авантюры русского царизма в Болгарии. Сб. документов (Сост. П. Павлович. М., 1935 // Историк-марксист. 1937. 5–6 (63–64); *Он же.* "Красный архив" за 1935–1937 годы // Там же.

⁴ *Он же.* Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов). М., 1940. Т. 2.

⁵ *Он же.* Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-е гг. XIX в. // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1946. Т. 1. № 3.

⁶ Например: Письма и записки Н.А. Киреева о балканских событиях 1876 года // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948; Письмо Огарева Бакунину // Литературное наследство. Т. 63. М., 1956; Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии // Славянский архив. М., 1959; и др.

**С.А. НИКИТИН И ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА
В ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

С теплотой и благодарностью вспоминая своих учителей – Илью Николаевича Бороздина (1883–1959) и Анатолия Евсеевича Москаленко (1909–1984), воронежские слависты называют и имя Сергея Александровича Никитина (1901–1979), оставившего глубокий след в их жизни и научной биографии. Что влекло крупнейшего советского слависта в Воронеж, в котором он побывал 7 раз в течение 50–60-х годов, чем вызвана его постоянная заинтересованность в деятельности воронежских славистов (в одном из писем доценту ВГУ Н.П. Мананчиковой Сергей Александрович признавался: "Я всегда интересовался воронежскими делами"), каков вклад ученого в становлении исторической славистики в ВГУ, – вот те вопросы, которые мы собираемся решить в предлагаемом сообщении. Оно – часть обширной проблемы о роли научной интеллигенции центра в развитии науки на периферии, о становлении научных школ и направлений в нашей науке, о преемственности научных поколений.

Воронеж имеет давние славяноведческие традиции. С 1860 по 1918 гг. здесь издавались "Филологические записки", среди авторов которых значились В.В. Макушев, В.И. Ламанский, Я.К. Грот, М.Н. Попруженко, Л. Каравелов; в период становления ВГУ в 1918–1920 гг. в его стенах трудились такие известные слависты как А.Н. Ясинский и Г.А. Ильинский; славянской проблематике уделял внимание первый ректор университета В.Э. Регель. Но создание историко-славистического направления в ВГУ датируется первым послевоенным десятилетием, когда ощутимо проявился общественный и научный интерес к проблематике истории славянских народов, и связан он прежде всего с именем профессора И.Н. Бороздина.

И.Н. Бороздин – видный русский, советский ученый-археолог, антиковед, медиевист, историограф заинтересовался славянской проблематикой еще в дореволюционный период. Он под-

держивал контакты с В.И. Пичетой, Н.С. Державиным, Ю.В. Готье, Н.П. Грацианским, а со второй половины 40-х годов выступил с рядом научных и публицистических работ, посвященных историографии советского славяноведения, русско-славянским политическим, общественным и культурным связям. С 1949 г. Илья Николаевич, обладавший к тому времени большим организаторским опытом, возглавил кафедру всеобщей истории ВГУ¹. Его целенаправленная деятельность по созданию нового славистического научного направления в Воронеже (параллельно формировалось и историографическое направление; зачастую они дополняли друг друга) — складывалась из тщательной и продуманной системы подготовки молодых кадров исследователей, сплочения ученых-славистов, работавших в разных учебных заведениях города, создания воронежского печатного славистического органа, связей с центрами славистики, организации славяноведческих конференций. И почти на всех направлениях этой деятельности — педагогической, научной, организационной — неопределимую помощь воронежскому профессору оказывал С.А. Никитин.

Время и обстоятельства знакомства двух историков сейчас точно установить не представляется возможным. Молодой ученый и уже известный профессор — их разделяло почти 20 лет возраста, — но оба москвичи, выходцы из кругов русской интеллигенции, кончали 3-ю (Бороздин) и 4-ю (Никитин) московские гимназии, затем — Московский университет. В одно и то же время были связаны с РАНИОН: И.Н. Бороздин в качестве действительного члена Института археологии; С.А. Никитин — научного сотрудника (аспиранта) Института истории. Круг учителей С.А. Никитина (Ю.В. Готье, М.К. Любавский, А.Д. Удальцов, А.К. Живелегов, В.П. Волгин) во многом совпадал с кругом научного и личного общения И.Н. Бороздина, известного в 20-е годы не только в научных, но и литературных кругах Москвы. Совпадал у ученых, помимо славистической проблематики, и интерес к истории России XIX в., ее внешней политике и культуре. Все это дает основание предположить, что они могли знать друг о друге и ранее 1949 г. Приезд И.Н. Бороздина в Воронеж создавал благоприятные условия для личного общения: теперь за этим стояли не только близкие научные интересы, но и необходимость тесных практических связей.

Вспомним, что к этому времени московский славистический центр, представленный Институтом славяноведения АН СССР и кафедрой истории южных и западных славян МГУ, уже сложился. И в их организации С.А. Никитин принимал самое непосредственное участие. Но из опыта становления славяноведения в России XIX в. было известно: развитие славистики пошло успешно именно благодаря возникновению сразу четырех университетских центров славянской науки; следовательно, и теперь настоятельной необходимостью было создание славистических центров на периферии. Одним из первых поняв это, С.А. Никитин, заинтересованный как всякий большой ученый в развитии своей отрасли науки, с удовлетворением встретил и всемерно поддерживал инициативу воронежского профессора. Тем более, что бывший узник ГУЛАГа И.Н. Бороздин не имел права жить и работать в Москве, а бывал в ней только наездами.

Видимо, тогда же, в конце 40-х годов, устанавливаются и контакты С.А. Никитина с учеником Н.П. Грацианского медиевистом А.Е. Москаленко, работавшим на кафедре всеобщей истории ВГУ и готовившим кандидатскую диссертацию, посвященную социально-экономическому и политическому строю Сплита в XIII–XIV вв. Благодаря усилиям И.Н. Бороздина и А.Е. Москаленко славянская проблематика становится одной из ведущих в деятельности воронежской университетской кафедры: кроме общего курса по истории славян, читаются спецкурсы, проводятся спецсеминары; славянские исторические сюжеты активно разрабатываются на заседаниях научного студенческого кружка. Исходя в своей работе с учениками из двух важнейших принципов: научной значимости решаемых вопросов и учета индивидуальных возможностей и творческой устремленности каждого, И.Н. Бороздин направлял своих питомцев, изъявивших желание заниматься историей южных славян, в Москву на консультацию к С.А. Никитину.

Маститый ученый встречал воронежцев неизменно доброжелательно, не только помогал в выборе диссертационных тем, но и всегда охотно консультировал их. Сергей Александрович 4 раза побывал в Воронеже в качестве официального оппонента: на защите кандидатских диссертаций выпускником Харьковского

пединститута П.Т. Рущенко, воронежскими аспирантами – Н.Т. Сапроновой, С.П. Бобровой, Н.П. Мананчиковой. И каждое его выступление не только открывало зеленый свет дальнейшим научным и педагогическим занятиям молодых исследователей, но и содержало в себе некую сверхзадачу – решение какого-то принципиального вопроса.

Тема диссертации Н.Т. Сапроновой "Захарий Стоянов как историк и политический деятель", избранная по совету С.А. Никитина, дала возможность доказать необходимость обращения к изучению либерально-буржуазной (а не только революционно-демократической) историографии болгарского национально-освободительного движения. Оппонент одобрил выводы Н.Т. Сапроновой относительно приоритета З. Стоянова в освещении ряда фактов Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии, а также определение автором диссертации как сильных (причины восстания), так и слабых (характер восстания, роль интеллигенции) сторон "Записок о болгарских восстаниях".

Исследование в диссертации С.П. Бобровой одного из сюжетов социально-экономической истории средневековой Сербии подтвердило правильность выбора, сделанного не без участия Сергея Александровича: необходимо было несколько ослабить удар, нанесенный по научной югославистике известным разрывом советско-югославских отношений. На решение близких по тематике задач он еще ранее нацелил своих учеников А.Х. Соколовского и А.З. Нюркаеву, ибо совершенно справедливо считал монополизм препятствием для подлинных научных результатов. Совместными усилиями учеников московского и воронежского профессоров удалось выяснить важнейшие закономерности процесса развития феодальных отношений в средневековой Сербии, установить его наиболее типичные черты. Позднее ученики С.А. Никитина Е.П. Наумов и В.П. Грачев определили особенности социальных отношений и политического строя Сербии в средние века.

В своем отзыве на диссертацию Н.П. Мананчиковой "Очерки социально-политической истории Дубровника XIII–XIV вв." С.А. Никитин поставил важный в теоретическом и практическом плане вопрос о возможности исследовательской работы перифе-

рийных ученых, лишенных доступа к зарубежным архивам. Здесь, считал оппонент, возможны два пути: изучить какой-либо конкретный вопрос, но без архивов – это приведет к созданию компилятивной работы; второй путь – анализ круга проблем, "для которых имеются доступные источники", но сам он "недостаточно исследован предшественниками". С.А. Никитин отметил значимость темы диссертации, которая "поможет решить многие вопросы для понимания истории Дубровника и изучаемого и последующего времени", и дал положительную оценку итогов проделанной соискательницей работы.

Для каждого из молодых славистов анализ его первого труда и напутствие Сергея Александровича оказались важнейшим научным импульсом: Н.Т. Сапронова в настоящее время доктор наук, профессор, исследователь общественной борьбы болгарской интеллигенции и русско-болгарских общественных и культурных связей²; С.П. Боброва обратилась к проблемам южнославянской историографии и истории советского славяноведения³; для Н.П. Мананчиковой далматинская проблематика стала делом всей ее жизни⁴. Еще в давние годы Сергей Александрович развеял сомнения молодого ученого относительно целесообразности работы нескольких исследователей, занятых одной проблемой: "Сколько людей иногда одновременно занимались единичными памятниками: Русской правдой, Псковской судной грамотой, и все находили свою трактовку вопроса, – писал он Н.П. Мананчиковой 7 апреля 1968 г. – А в Дубровнике, как мне кажется, всем места хватит".

Помощь в становлении нового поколения воронежских славистов была одной из форм участия С.А. Никитина в развитии историко-славистического направления в ВГУ. Другая – участие в научных форумах, организация которых стала традицией в деятельности воронежской кафедры всеобщей истории. Они проводились как по чисто славистической, так и по более широкой историографической проблематике с непременным привлечением ученых из Москвы, Ленинграда, а также периферийных центров науки. Особое значение имела славянская конференция 1957 г., созданная в рамках подготовки к Международному съезду славистов в Москве. Еще в конце 1955 г. академик

М.П. Алексеев, вошедший в состав подготовительного комитета съезда, предложил И.Н. Бороздину продумать план подготовки к нему: "Хотя это будет съезд филологов, – писал он 4 декабря 1955 г. – но и участие историков-славистов в нем очень желательно... в особенности важно было бы в *самое ближайшее* время (выделено автором письма. – С.Б., В.Т.) ... представить небольшую докладную записку на тему: что могут подготовить слависты Вашего университета к будущему съезду (книги, сборники, доклады, различные мероприятия...).

Значительный интерес участников конференции 1957 г. в Воронеже вызвал доклад С.А. Никитина, посвященный определению задач советской славистики при изучении средневековой и новой истории Югославии (советско-югославские разногласия к тому времени были ликвидированы, однако научные лакуны остались). Как подлинный радетель отечественной науки Сергей Александрович поделился итогом размышлений: могут ли советские историки "плодотворно работать и создавать что-то свое, внести свой вклад в развитие науки?"⁵. Положительно отвечая на этот вопрос и намечая основные направления будущих исследований, результативность которых обеспечена наличием уникальных архивных документов (источниковедческие и историографические сюжеты, вопросы русско-сербских отношений и другие позднее претворенные в жизнь его учениками и последователями), историк призвал опереться на достижения предшественников – русских буржуазных ученых, причем нельзя не отметить никитинскую оценку вклада буржуазной науки, лишенную политической конъюнктуры.

Таким же глубоким подходом к буржуазной науке отмечался и доклад С.А. Никитина на воронежской межвузовской историографической конференции 1960 г. "Караджич и Ранке". Этот доклад выгодно отличался от значительной части выступлений с традиционным для того времени гиперкритическим уклоном. Он был посвящен обширной проблеме, занимавшей ученого, – историографии славян. "Сложная и неустановившаяся область – историография требует серьезной разработки", – писал он одному из авторов данного сообщения. В Караджиче ученый видел не просто информатора и рассказчика, но и прямого соавтора Ран-

ке в его работе над историей сербских восстаний, проводника демократических тенденций в совместном труде⁸.

Выступление С.А. Никитина на III межвузовской конференции историков-славистов в Воронеже в 1966 г. о судьбах болгарского города в период освобождения от османского ига положило начало большой исследовательской работе по анализу статистических материалов Русского гражданского управления в Болгарии. Автор уделит внимание национальному составу болгарского города, указал на большое значение сельскохозяйственных занятий в населенных пунктах, именуемых городами, дал их четкую классификацию⁷.

Как видим, выступления Сергея Александровича в Воронеже никогда не были формальными речами "столичной знаменитости" в "глухой провинции", они всегда отражали главные направления творчества ученого, открывали каждый раз в нем новую страницу.

Завершая характеристику связей С.А. Никитина с воронежцами, нельзя не выделить такие их черты, как научная взаимность и глубокие личные симпатии. На страницах "Кратких сообщений" Института славяноведения Сергей Александрович знакомил с результатами работы воронежской конференции 1957 г. славистическую общественность страны⁸; статьей С.А. Никитина открывался "Славянский сборник" (выпуск исторический), изданный в Воронеже к Московскому международному съезду славистов 1958 г.; воронежские ученые в "Вопросах истории" выступили с развернутой рецензией на 1-е издание "Истории южных и западных славян", в подготовке которой велика была роль С.А. Никитина⁹. Когда в 1959 г. в Министерстве высшего образования возник план ликвидации общего курса по истории славян, Сергей Александрович, сам предпринимавший активные действия в защиту курса, обратился за поддержкой к И.П. Бороздину: "Без университетской базы развитие науки невозможно, — писал известный славист своему коллеге 29 апреля 1959 г. — Если Воронежский университет со своей стороны высказался бы против решения об исключении курса истории южных и западных славян это могло бы быть полезно".

В памяти остались теплые дружеские отношения, которые связывали С.А. Никитина с И.П. Бороздиным, П.А. Бороздиной, А.Е. Москаленко. Ученики, нередко бывшие свидетелями бесед двух профессоров, не могли не почувствовать глубокой душевности их отношений. Продолжением этих связей были и контакты с П.А. Бороздиной. "Большое спасибо за ласковый прием и заботу, делающие приезды в Воронеж такими приятными", – писал Сергей Александрович П.А. Бороздиной после конференции 1960 г. Она вспоминает о С.А. Никитине как совершенно русском человеку, хранителе русских культурных традиций. Свидетельством особо доверительных отношений С.А. Никитина и А.Е. Москаленко была передача ученым части своего архива Анатолию Евсеевичу, ставшему публикатором его воспоминаний о гимназических годах¹⁰.

Не прерывались контакты С.А. Никитина и с другими воронежскими славистами. Письма Сергея Александровича шли в адрес Н.П. Мананчиковой, Н.Т. Сапроновой, С.П. Бобровой. В них он рассказывал о своей работе над сборниками документов, которые готовились под его редакцией, встречался с иностранными учеными, интересовался научными планами своих молодых коллег, внимательно следил за выходом в свет каждого выпуска воронежского славистического издания "Вопросы истории славян". "Вы пишете о его (сборника. – С.В., В.Т.) недостатках, – отвечал он на письмо С.П. Бобровой, – но каковы бы они ни были, хорошо, что издание теплится. Может быть, настанут лучшие времена, когда издавать станет легче" (20 декабря 1977 г.). Последние поздравительные открытки С.А. Никитина пришли в Воронеж в ноябре 1979 г. накануне смерти ученого... Но семена общения не погибли. У воронежских славистов установились прочные связи с учениками С.А. Никитина: безвременно ушедшим из жизни Е.П. Наумовым, Л.В. Гориной, В.П. Грачевым, А.З. Нюркаевой и др.

Итак, участие С.А. Никитина в становлении историко-славистического направления в ВГУ трудно переоценить. Начавшись с общения двух профессоров-единомышленников, это участие вылилось в постоянные контакты с молодым (увы, теперь уже старшим) поколением воронежских славистов, заботу и внимание с

его стороны ко всем начинаниям воронежской славистики, переросло в контакты воронежцев с учениками С.А. Никитина. Одновременно исследование общения с воронежскими славистами позволяет воссоздать те черты, которые характеризуют общие подходы выдающегося ученого к принципиальным основам развития науки:

1. Стремление включить советское славяноведение в процессе развития общемировой науки, поиск для этого оптимальных путей.

2. Неприятие любых форм монополизма в науке.

3. Стремление руководствоваться прежде всего не политическими, а научными критериями.

4. Требование неременной прочной связи науки и широкого университетского образования, из чего вытекали постоянный интерес и помощь в становлении и развитии славистики за пределами столицы. Для последнего он считал необходимым: а) неременное включение периферийных ученых в разработку кардинальных для славистики проблем; б) определение наиболее результативных вариантов исследовательской работы на периферии; в) создание условий для творческого общения ученых центра и периферии.

В конечном счете для С.А. Никитина не было науки центра и периферии, была единая Наука, которой он отдавал талант – Ученого, силы – Учителя, способности – Организатора.

Примечания

¹ *Москаленко А.Е.* Памяти И.Н. Бороздина // Вопросы истории славян. Вып. I. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1963. С. 195–202; *Боброва С.П.* И.Н. Бороздин как историк-славист // Сов. славяноведение. 1986, № 1, С. 84–92.

² *Сапронова Н.Т.* Великая Октябрьская социалистическая революция и учительское движение в Болгарии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981; *Она же.* Роль прогрессивных учителей Болгарии в распространении социалистических идей в 80–90-е годы XIX в. // История и культура Болгарии. М., 1981. С. 207–214.

³ *Боброва С.П.* Сергей Александрович Никитин (Из истории советского славяноведения // Вопросы истории славян, Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1972. С. 97–112; *Она же.* М.С. Дринов и некоторые вопросы новой истории Болгарии. // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века, Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. С. 94–106.

⁴ *Мананчикова Н.П.* К вопросу о ранней мануфактуре в Дубровнике XV века // Сов. славяноведение, 1980, С. 51–65; *Она же.* Торговля и купеческий капитал в Дубровнике XIV века // Вопросы истории славян, Воронеж, 1989. С. 112–134.

⁵ *Никитин С.А.* Задачи советских историков в области изучения истории Югославии // Славянский сборник. Выпуск исторический № 1. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1958, С. 9.

⁶ *Никитин С.А.* Караджич и Ранке // Проблемы историографии: тезисы и авторефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции, Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, С. 11–16.

⁷ *Он же.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970. С. 7–66.

⁸ *Он же.* Сессия в Воронежском университете // Краткие сообщения, Институт славяноведения АН СССР. 1958. № 24. С. 108–109.

⁹ *Бороздин И.Н., Гапонов П.М.* Москаленко А.Е. История южных и западных славян // Вопр. истории, 1960. С. 177–185.

¹⁰ *Никитин С.А.* Воспоминания о гимназических годах (публикация А.Е. Москаленко // Из истории университетского славяноведения в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 120–142.

С.А. НИКИТИН И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЛАВИСТИКИ НА КАВКАЗЕ

С.А. Никитин, выдающийся советский славист, талантливый ученый и организатор науки, внес большой вклад в развитие болгаристики и в подготовку кадров историков-славистов в СССР. Его труды, посвященные истории национального движения южных славян, их социально-экономического развития, международно-политических отношений на Балканах главным образом в XIX в. широко известны в нашей стране и за рубежом. Исследования С.А. Никитина отличают научная объективность, забота о развитии науки, добросовестность. Они проникнуты чувством нового, передового, глубокой преданностью и любовью к родине. С.А. Никитин явился талантливым преемником одного из родоначальников школы советского славяноведения в СССР В.И. Пичеты и на протяжении многих лет возглавлял кафедру истории южных и западных славян МГУ.

Зарождение исторической болгаристики на Кавказе относится к середине 50-х годов и тесно связано с именем С.А. Никитина, неоднократно посещавшего этот регион. Основателем и руководителем Центра исторической болгаристики на Кубани, признанного как в СССР, так и в Болгарии, является один из учеников С.А. Никитина, ныне доктор исторических наук, профессор, более 20 лет заведующий кафедрой новой и новейшей истории Кубанского госуниверситета Д.Г. Песчаный. Еще в начале 50-х годов С.А. Никитин направил научные интересы, определил тему кандидатской диссертации молодого аспиранта кафедры Д.Г. Песчаного "Россия и национально-культурное возрождение болгарского народа (30–40-е гг. XIX в.)", помогал в работе над ней, выступил в качестве главного оппонента на ее защите.

Сохранив интерес к русско-болгарским культурным и политическим связям XIX в., с начала 60-х годов Д.Г. Песчаный сосредоточил свое внимание на изучении отношений между СССР и Болгарией после второй мировой войны¹. Он первым среди

советских болгаристов приступил к исследованию вопросов зарождения и развития тесных связей и взаимоотношений между различными регионами СССР и Болгарии.

В 70-е гг. исследования по болгаристике на Кубани углубляются, расширяются хронологические рамки исследуемых проблем. Один из учеников профессора Песчаного Д.Г. Павловский С.В., ныне доцент Кубанского государственного университета (КубГУ) продолжил исследование проблемы национально-освободительного движения в период болгарского Возрождения². По рекомендации С.А. Никитина он избрал тему кандидатской диссертации "Газета Г.Раковского "Дунавски лебед" как источник по исследованию болгарского национально-освободительного движения в начале 60-х годов XIX в.", которую в 1980 г. успешно защитил в МГУ.

При активном содействии С.А. Никитина был создан новый центр славистики в стране, которым руководил проф. Д.Г. Песчаный. В нее входят доценты КубГУ Ачагу Р.М., Вартаньян Э.Г., Павловский С.В., преподаватель Адыгейского пединститута Хут Л.Р., преподаватель Краснодарского политехнического института Лакербай З.К., которые исследуют проблемы сербско-болгаро-русских связей в третьей четверти XIX в., вопросы новейшей истории Болгарии, в частности развития болгарского сельского хозяйства, сельскохозяйственной науки, культуры, молодежного движения в Болгарии, сотрудничества с СССР во второй половине XX в.³.

Кубанские болгаристы имели к 1991 г. 150 публикаций в советской и 35 в болгарской печати, в том числе монографии, сборники статей, брошюры, рецензии, учебные пособия и т.д.

Многогранная творческая деятельность С.А. Никитина отразилась не только на научной работе болгаристов Кубани. В Северо-Осетинском университете им. К. Хетагурова (СОГУ) работает группа историков-славистов под руководством проф. В.Г. Дядькина. Развивая творческое наследие С.А. Никитина северо-осетинские болгаристы сконцентрировали свое внимание в основном на тематике первой половины XX в. Революционной деятельностью партии болгарских марксистов в конце XIX – начале XX вв. занимается проф. В.В. Дядькин; вопросам строи-

тельства социализма в годы первых пятилеток Болгарии и советско-болгарского сотрудничества посвящены работы Я.М. Стручкова и В.А. Круглова⁵.

Влияние трудов С.А. Никитина прослеживается и на научной работе ученых других вузов региона. Так, в Ростовском государственном университете доцент Н.В. Бакулина на протяжении многих лет занималась проблемой зарождения революционно-демократического направления в национально-освободительном движении болгарского народа, а Н.М. Витвицкая изучала мировоззрение болгарских революционеров-демократов⁶. Не остались без внимания ростовских славистов проблемы новейшей истории Болгарии. В частности, опыт борьбы крестьянства против капиталистических элементов в ходе преобразования деревни на примерах Болгарии и Чехословакии изучала доцент Л.Н. Краснова⁷.

Ассимиляторская политика османского правительства в XV–XVI вв. в Болгарии исследуется доцентом Дагестанского университета С.И. Мартузалиевым. В Ставрополе изучает межвоенную историко-партийную тематику доцент В.В. Степаненко.

С.А. Никитин придавал важное значение изучению религиозного фактора в общественном развитии. В этом отношении его советы, труды оказали большое влияние на историков-славистов Закавказья. Он был научным консультантом профессора Тбилисского университета Лилуашвили К.С., сыграл решающую роль в выборе темы его докторской диссертации "Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия", успешно защищенной в 1980 г. Именно при непосредственном содействии Никитина С.А. Лилуашвили К.С. получил ценнейшие материалы архиве МИД СССР для своей докторской диссертации.

Старшие научные сотрудники Института истории АН Армении Р.М. Бартикян и З.М. Касабян исследовали проблемы еретических движений на Балканах в период средневековья, болгаро-армянских отношений⁹.

Широко внедряется историческая болгаристика в учебный процесс вузов Кавказа. Только в последнее десятилетие на кафедре новой и новейшей истории КубГУ защищено более 70 ди-

пломных работ, посвященных болгарскому национально-освободительному движению, культурному развитию страны, русско-болгарским отношениям, проблемам болгарского возрождения. Одна из дипломниц исторического факультета КубГУ изучает деятельность Никитина А.С. как исследователя проблемы национально-освободительной борьбы болгарского народа. Научные труды Никитина С.А. широко используются студентами исторических факультетов вузов Кавказа при написании дипломных, курсовых и научных работ. Для студентов университетов Кавказа читается ряд спецкурсов по узловым проблемам болгарской истории, болгарскому национальному возрождению, культуре славянских народов, организованы спецсеминары, издаются учебные пособия. Так, в 1988 г. доц. КубГУ Павловский С.В. издал учебное пособие "Болгарское национальное возрождение", а доц. Вартаньян Э.Г. подготовила к публикации пособие по культуре славянских народов в новое время в рамках общей проблемы "Мировая художественная культура нового времени" (в соавторстве).

Выросла квалификация историков-болгаристов в регионе. В 80-е годы среди них было 2 доктора исторических наук (проф. В.Г. Дядькин, проф. Д.Г. Песчаный и 10 кандидатов исторических наук.

На кафедрах новой и новейшей истории КубГУ и СОГУ проходят подготовку советские и зарубежные аспиранты-слависты. Так, аспирант из Бангладеш Мохаммед Джазирул Ислам под руководством проф. Д.Г. Песчаного изучает проблемы кооперирования крестьянства, в том числе и в славянских странах.

Таким образом, влияние Никитина С.А. как ученого, педагога на развитие болгаристики на Кавказе чрезвычайно велико. Все проблемы новой истории Болгарии, проблемы возрождения, освободительного движения и русско-болгарских связей, религиозных движений на Балканах, разрабатываемые учеными Кавказа, определились под непосредственным влиянием С.А. Никитина. Ученики С.А. Никитина продолжают развивать творческое наследие своего учителя, передавая эстафету своим ученикам, готовя кадры, создавая целые школы славистики.

Гримечания

¹ *Песчаный Д.Г.* Русско-болгарские культурные связи в 30–40-х гг. XIX в. // Из истории русско-болгарских отношений, М.: Изд-во АН СССР, 1958; *он же.* Юрий Иванович Венелин в национално-культурното Възраждане на България // Исторически преглед. С., № 1. С. 94–102; *Он же.* Сотрудничество между СССР и Болгарией. Ростов-на-Дону, 1975; *Он же.* Българо-съветско-сътрудничество при социалистическото переустройство на селското стопанство в НРБългария. С., 1977. Всего 3 монографии, 12 брошюр, свыше 80 статей, рецензий, в том числе 26 опубликованных в Болгарии.

² *Павловский С.В.* О попытке Г.С. Раковского создать политическую газету в Одессе (1858–1859) // Сов. славяноведение. 1979, № 4; *Он же.* Г. Раковский и русский фактор // Летопис на дружбата. Т. 10. С., 1988; *Ачагу Р.М.* Вклад болгарского государства в повышение культурно-технического уровня труженников села (1958–1970 гг.) България 1300. Т. 3. С., 1983; *Вартамян Э.Г.* Съветско-българско сътрудничество в областта на селскостопанска наука (края на 50-те – 70-те години) // Летопис на дружбата. С., 1987. Т. 10; *Хут Л.Р.* Българският комсомол в подготовката за масовото коопериране на селяните (1948–1950) // Исторически преглед. 1988, № 3.

³ *Лакербай З.К.* О противоречивости советско-болгарского сотрудничества в области культуры (70–80-е гг. XX в. // Тезисы XII Всесоюзной конференции историков-славистов. М., 1990.

⁴ *Дядькин В.Г.* Тактика единого фронта в прошлом и настоящем. // Исторически преглед. 1972, № 2; *Он же.* Из истории разработки программы партии болгарских революционных марксистов // Вопр. нов. и новейш. истории. Орджоникидзе, 1976; и др.

⁵ *Стручков Я.М.* Болгаро-советское экономическое сотрудничество в годы первой пятилетки (1949–1952) // Вопр. нов. и новейш. истории. Орджоникидзе, 1976; *Круглов В.А.* Сотрудничество между НРБ и СССР в 1952–1957 гг. // Там же.

⁶ *Бакулина Н.В.* К вопросу об идейных источниках мировоззрения Христо Ботева // УЗРГУ; 1958. Т. 63. Вып. 3.

⁷ *Краснова Л.И.* Из истории разработок Болгарской коммунистической партии политики по отношению к кулачеству. М., 1979.

⁸ *Муртузалиев С.И.* Из истории болгарского народа под османским господством (Константинопольская патриархия в системе османского управления XV–XVI вв.) // Советское славяноведение, 1982, № 3; *Степаненко В.Р.* VI (1936 г.) расширенный Пленум ЦК БКП: проблема оценки тактики коммунистов в рабочем движении // СССР – Народная республика Болгария. Краснодар, 1988.

⁹ *Бартикян Р.М.* Византийская, армянская и болгарская легенды о происхождении павликан и их историческая основа // ВВд, 1980, № 9; *Касабян З.М.* Страницы истории армяно-болгарских связей // МФЖ, 1982, № 4.

¹⁰ *Ислам М.Д.* Некоторые аспекты изучения причин утраты доверия к социализму // Тезисы докладов и сообщений XII Всесоюзной конференции историков-славистов. М., 1990.

ПРОФЕССОР С.А. НИКИТИН

Сергей Александрович Никитин родился 23 июня 1901 г. в Москве. После окончания среднего учебного заведения он в 1918 г. записывается на историко-филологический факультет Московского университета, а затем, после его реорганизации, на историческое отделение факультета гуманитарных наук. Его университетские годы приходятся на сложный период в жизни студенчества. В 1922 г. он заканчивает обучение в Московском университете. С 1924 по 1928 г. он состоит в аспирантуре Института истории при Российской ассоциации гуманитарных институтов, где специализируется по истории СССР, а именно по истории России XIX в. С.А. Никитин работает под руководством таких известных ученых, как М.М. Богословский и Ю.В. Готье.

Многие годы его внимание обращено на два круга проблем: экономическая история и внешняя политика России. В это время С.А. Никитин изучает внешнюю политику России на Балканах и тем самым приобщается к истории южных славян. Именно тогда он начинает интересоваться историей Болгарии в связи с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и русской политикой в отношении Болгарии. Следует отметить, что в те годы изучение славянских народов требовало определенного мужества, так как славяноведение и византология недооценивались всемогущей тогда школой Покровского. Поэтому в течение нескольких лет С.А. Никитин работает в профсоюзных организациях и публикует несколько исследований по истории рабочего и профсоюзного движения в России.

В 1937 г. начинается преподавательская карьера С.А. Никитина. Он преподает в Историко-архивном институте, а также в ИФЛИ. В этот период он защищает диссертацию по истории России XIX в. на степень кандидата исторических наук, изданную впоследствии как учебник. Начиная с 1941 г. С.А. Никитин преподает на историческом факультете Московского университета на кафедре истории СССР и на кафедре южных и западных сла-

вян. С 1947 по 1961 гг. он возглавляет кафедру южных и западных славян, где сотрудничает с ее основателями, академиками Зд. Неедлы и В.И. Пичетой.

С 1943 по 1946 гг. будучи в аспирантуре при Институте истории АН СССР, Никитин готовит свою докторскую диссертацию на тему: "Русское общество и проблемы балканской политики России в 50-е – 70-е годы XIX в.", которую защищает в 1947 г. В том же году его назначают заместителем директора Института славяноведения АН СССР, возглавляемого академиком Б. Грековым. Позже он становится заведующим сектором истории славянских народов периода феодализма и капитализма.

Под его руководством в университете и в институте был подготовлен ряд публикаций, ставший основой для систематического изучения фундаментальных проблем истории южных славян. Попытки написать историю славянских стран и народов, предпринятые до Октябрьской революции и даже в последующие за ней годы, не выходили за ограниченные рамки университетских учебников и носили лишь самый общий характер. В 1954 г. группой историков был опубликован труд "История Болгарии", в котором с марксистских позиций и часто в новой интерпретации рассматривались некоторые события истории Болгарии. Вскоре затем появляются два других труда подобного рода: "История Чехословакии" и "История Югославии".

В 1957 г. впервые выходит университетский учебник общей истории южных и западных славян под редакцией и при участии профессора С.А. Никитина. Его авторы ставили своей задачей нарисовать общую картину истории славянских народов и определить историческую роль славян в мировой истории с древнейших времен до наших дней.

В сотрудничестве с Институтом истории Болгарской Академии наук была издана многотомная публикация документов под названием: "Освобождение Болгарии от турецкого ига". Эта публикация осуществлялась под руководством профессора С.А. Никитина. Подобные труды готовятся также в сотрудничестве с Сербской Академией наук: публикация документов по истории Первого сербского восстания, и со Словацкой Академией наук: публикация документов из архива М.Ф. Расовского.

Будучи одним из наиболее компетентных советских специалистов по истории национально-освободительного движения славянских народов и зарождения капиталистических отношений в славянских землях, профессор С.А. Никитин принимал участие в качестве организатора и докладчика в целом ряде состоявшихся в СССР симпозиумов и конференций, посвященных этим проблемам. Он участвовал также в Международных конгрессах исторических наук в Вене (1965) и Москве (1970), в Съездах славистов в Москве (1958) и Софии (1963), в первом конгрессе международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы в Софии (1966) и пр. За свои большие заслуги в области славяноведения профессор С.А. Никитин был избран сначала вице-президентом, затем в 1970 г. президентом Международной комиссии славянских исследований при Международном комитете исторических наук.

С.А. Никитин входит в состав редколлегии журнала, издаваемого Славянским комитетом, и причастен к многочисленным инициативам, предназначенным расширить и укрепить связи между славистами всего мира. Он является также членом Центрального комитета Ассоциации советско-болгарской дружбы.

Один из главных трудов профессора С.А. Никитина посвящен славянским комитетам в России. Эти комитеты образовались вследствие совпадения интересов и устремлений славянофилов, болгарской русофильской буржуазии и царского правительства в конце 50-х годов прошлого века, а также, что стало, как отмечает С.А. Никитин, новым явлением для России того времени, движения общественного мнения, ставящего перед собой определенные цели. Профессор С.А. Никитин дает глубокий и точный анализ классовой структуры славянских комитетов и рисует яркую картину их деятельности в течение двух десятилетий. Тщательно изучая указанные проблемы, автор представляет нам широкую панораму политических событий и показывает соотношение социальных аспектов и личных целей и интересов, определявших те или иные тенденции в деятельности этих комитетов. Всякий интересующийся проблемами, которые в ту пору волновали не одни лишь славянофильские

круги различных славянских стран, а именно: славянская общность и славянская взаимность, освободительная роль России и различные ее интерпретации, отличие русских славянофилов от славянофилов других стран, — непременно должен ознакомиться с этим трудом С.А. Никитина.

Каждый историк, занимающийся исследованиями общественного и политического развития балканских славян и связей между русским народом и южными славянами, не может обойтись без замечательных работ профессора С.А. Никитина, Его очерки по истории южных славян и русско-балканских отношений в 50-е — 70-е годы XIX в., вышедшие в 1970 г., могут служить подлинным справочником. Содержащиеся в них многочисленные новые факты и оригинальные оценки дополняют анализ экономического облика болгарского города, революционной борьбы болгарского народа в 1875—1876 гг., отношения русской дипломатии к национально-освободительным движениям южных славян, роли, которую играли события на Балканах в русской политике.

Наряду со своим большим научным значением, работы профессора С.А. Никитина представляют собой захватывающее повествование об эпохе, богатой событиями и личностями, сыгравшими решающую роль в освобождении болгарского народа.

Профессор С.А. Никитин принадлежит к тому поколению советских ученых, которые были призваны в изменяющихся условиях направлять славяноведение по новому пути. Благодаря его поощрению и поддержке несколько десятков советских исследователей смогли утвердиться как талантливые слависты и посвятить себя изучению истории славянских народов. Среди его учеников немало болгарских, чехословацких, польских и румынских исследователей: некоторые из них и сегодня занимают первые места в области исторических наук своих стран.

*Перевод с франц. яз.
Е.М. Заблудовской*

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКИТИН
(1901–1979)

Некоторое время назад 5 декабря 1979 г. оборвалась плодотворная жизнь известного советского историка С.А. Никитина. Югославские историки могут с полным основанием помянуть добрым словом этого ученого, который в течение нескольких десятилетий был первой и неминуемой инстанцией всех их связей с советской исторической наукой. С именем С.А. Никитина югославские историки встречались на многочисленных международных славистических конференциях (Прага, София, Москва), а начиная с 1970 г. и в международной комиссии по славистическим исследованиям, председателем которой он был. С.А. Никитин оставил значительное научное наследие, включающее в себя около 300 больших и малых научных работ, большей частью по истории западных и балканских славян.

С.А. Никитин родился в 1901 г. в семье московских учителей. Год спустя после Октябрьской революции он сдал экзамен на аттестат зрелости и закончил гимназию, сразу же вслед за тем поступил на факультет общественных наук Московского государственного университета, который успешно закончил. Как отмечают биографы С.А. Никитина, в начале своей научной карьеры он сочетал научные исследования с практической работой экономиста, статиста, преподавателя русского языка в военных училищах, так как таким образом он зарабатывал себе средства на жизнь. Длинный список его научных трудов открывается в 1924 г., но в первый период его научных изысканий в тематике исследований еще не прослеживается ориентация на историю западных славян. Многие его научные труды посвящены истории рабочего движения в России и проблемам архивоведения. К 1940 г. он приобретает известность как первый советский специалист в области изучения исторических источников и архивоведения. В этой сфере им опубликован очень важный учебник, представляющий научную ценность до сих пор. Целый ряд известных и неизвест-

ных нам обстоятельств повлиял на переориентацию научных интересов С.А. Никитина на изучение истории славян, проживающих вне территории Советского Союза. Уже в качестве ассистента С.Д. Сказкина на факультете этнографии Московского государственного университета в 1928–1929 гг. он сосредотачивает свои научные изыскания на истории западных и южных славян. С.А. Никитин в 1940 г. начал работать на историческом факультете Московского государственного университета, где он в течение 20 лет возглавлял кафедру истории южных и западных славян и на ее базе создал крупный научный центр славистических исследований. После выхода на пенсию в 1961 г. он занимался редактированием известного журнала "Славянский архив". В это время проводилась подготовка к изданию крупных публикаций документов.

Главный научный труд С.А. Никитина – его монография "Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг.", опубликованная в 1960 г. Еще до этого он в своей докторской диссертации "Вопросы балканской политики России и русское общество в 50–70-х гг. XIX в." попытался дать научный анализ этой сложной проблемы, правда, с меньшим успехом. В своей монографии "Славянские комитеты" С.А. Никитин разработал методику научного исследования славянских благотворительных и политических организаций в России во второй половине XIX в. Главная его заслуга заключается в том, что историку удалось провести границу между деятельностью этих комитетов и официальной политикой царской России, а также освободить деятельность славянских комитетов от бремени политической идеологии, постоянная связь которых подчеркивается во всей историографии. С.А. Никитин сумел выделить в деятельности славянских комитетов то, что являлось выражением демократического общественного мнения и воли русского народа, и что было результатом консервативной политики господствующих классов русского общества. Все югославские историки, исследовавшие историю восточного вопроса и национальных движений в югославянских землях 1856–1878 гг. не могли не обращаться к монографии С.А. Никитина при решении всех проблем, относящихся к балканской политике России. Этим своим научным трудом он по праву завоевал большой авторитет в мировой науке.

В большей мере, чем в Югославии, научная деятельность С.А. Никитина известна в Болгарии и Румынии, возможно, вследствие того, что в этих странах значительно число ученых, чье становление в науке проходило под его руководством. Тематика научных исследований С.А. Никитина в значительной степени была связана с историей Болгарии. Некоторые из его трудов в этой области, посвященные болгарскому национальному возрождению, борьбе за независимость Болгарии 1876–1878 гг. и, особенно изменениям в этнической и социальной структуре болгарских городов после 1878 г. (Славянское возрождение. Москва, 1966) являются научными достижениями, внесшими большой вклад в нашу науку. Также столь же важна для нас и 3-х-томная публикация документов об освобождении Болгарии в 1876–1879 гг.¹, являющаяся совместным изданием АН СССР и Болгарской академии наук. С.А. Никитин принимал участие в издании сборника документов из архива М.Ф. Раевского², а непосредственно перед своей внезапной кончиной он работал над публикацией документов из истории сербской революции 1804–1813 гг., которая должна быть издана как совместный труд АН СССР и Сербской академии наук и искусств. Велики заслуги С.А. Никитина и в подготовке 2-х томной "Истории Югославии" на русском языке. Он написал значительное число статей и для "Большой советской энциклопедии", а также других советских энциклопедических изданий. Некоторые из этих статей он опубликовал под своей подписью (Богомилы, Югославская историография, Македония), некоторые – без подписи (Воеводина, Негош, Четники) или под псевдонимом.

В Белграде был отмечен 70-летний юбилей С.А. Никитина (BaLkanica. 1971, № 2), однако наши ученые всегда имели больше непосредственных контактов с представителями его школы, его учениками (В.Г. Карасевым, И.С. Достян, В.И. Фрейдзоном), чем с ним лично. С.А. Никитин был духовным отцом многочисленного московского центра по изучению югославистических проблем, в составе которого более 50 ученых своими научными исследованиями оказывают влияние на формирование представлений об истории югославянских народов во всей Восточной Европе и значительной части остального мира. То, что могло разъединить

нас с профессором С.А. Никитиным, перекрывается тем огромным научным авторитетом, которым он пользуется в одинаковой мере и у македонских, и у болгарских историков. Крупные ученые остаются в памяти людской своими трудами, и поэтому С.А. Никитин всегда будет дорог югославским историкам.

Примечания

1 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1–3. М.: Наука, 1961–1967.

2 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского 40–80 годы XIX в. М., 1975.

3 Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Т. 1. М., 1983, Т. 2.

4 История Югославии. М., 1963, Т. 1. М., 1963. Т. 2.

СПИСОК ТРУДОВ ПРОФЕССОРА
С.А.НИКИТИНА*

1924 г.

Очерки по истории профессиональной печати в России. Печать 1905 года // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 2. М. С. 141–158.

1925 г.

Очерки по истории профессиональной печати в России. Очерк 2: Общественная печать в 1906 г. // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 3. М. С. 43–59.

Январская забастовка 1905 г. в Москве // Вестник труда. № 8–9. С. 246–258.

1926 г.

Московское стачечное движение 1905–07 гг. // Московское профессиональное движение в годы первой революции. М. С. 39–114.

Рец.: Рабочий вопрос в комиссии В.Н. Коковцева. "Материалы по истории рабочего движения в России". М., 1926 // Вестник труда. № 7–8. С. 226–227.

Рец.: Ю. Гессен. История горнорабочих СССР. Ч. 1. М., 1926 // Вестник труда. № 10. С. 138–139.

1927 г.

Московские коммунальщики в 1917 г. // Союз работников коммунального хозяйства в 1917–18 гг. М. С. 7–63.

---

* В список не включены статьи, напечатанные в БСЭ (1-е, 2-е и 3-е изд.), "Советской исторической энциклопедии" и "Дипломатическом словаре" (1-е и 2-е изд.). Список составлен В.И. Коротковой.

Рец.: Рабочее движение в 1917 г. М., 1926 // Вестник труда. № 3. С. 154–155.

Рец.: Сибирская ссылка. М., 1927. Сб. I: Каторга и ссылка. Кн. XXIII // Вестник труда. № 6–7. С. 230–231.

1929 г.

Рец.: I. Sakazow, *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*. Berlin-Leipzig, 1929. S. 294 // Историк-марксист. Кн. 14. С. 207–209. (Рец. подписана: И. Егоров).

1937 г.

Интересный экземпляр "Голосов из России" // Книжные новости. № 9. С. 63.

Неизвестное издание "14 декабря 1825 г." // Книжные новости. № 8. С. 63.

/Несколько разделов в учебнике:/ Краткий курс истории СССР / Под ред. А.В. Шестакова. М.

Рец.: Авантюры русского царизма в Болгарии: Сб. документов / Сост. П. Павлович. М., 1935. 239 с. // Историк-марксист. Кн. 5–6. (63–64). С. 174–180 (совместно с др.).

Рец.: "Красный Архив" за 1935–1937 годы // Историк-марксист. Кн. 5–6 (63–64). С. 174–180 (совместно с др.).

1938 г.

Сербия XIII–XV вв. // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. Т. II. Ч. I. М. С. 215–231.

Рец.: В.Н. Sumner. *Russia and the Balkans 1870. 1880*. Berlin, 1936 // Историк-марксист. № 4. (68). С. 159–160.

1940 г.

/История Финляндии в гл. IV учебника:/ История СССР. Т. II: Россия в XIX в. / Под ред. М.В. Нечкиной. М. С. 70–76.

Источниковедение истории СССР. Т. II: XIX век. М. 226 с.

1943 г.

Из прошлого партизанской борьбы в Болгарии // Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада: Сб. статей / Под ред. акад. Е.В.Тарле. М. С. 100–116.

Рец.: "Славяне". Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. М., 1942. № 1 (июнь); № 2 (июль); № 3 (август) // Исторический журнал. № 1. С. 94–95.

1944 г.

Методические указания по изучению истории СССР XIX в. для заочников // Программы и методические указания для заочников университетов и педагогических институтов. М.

1946 г.

Исторические издания Болгарской Академии наук (1940–1942 гг.) // Вопросы истории. № 7. С. 128–130.

Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-х годах XIX в. // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. № 1. С. 87–91.

Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. № 4. С. 3–29.

1947 г.

Возникновение Московского славянского комитета // Вопросы истории. № 8. С. 50–65.

Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. // Славянский сборник. М. С. 262–290.

Рец.: Христо Ботев. Сочинения. Т. I–III. София, 1945// Вопросы истории. № 9. С. 140–143.

1948 г.

Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. I. 1948. С. 18–51.

Письма и записки Н.А. Киреева // Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М. С. 105–104.

Славянские съезды шестидесятых годов XIX века // Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М. С. 16–104.

/Введение к сб./ Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М.

/Предисловие в кн./ Документы к истории славяноведения в России. М.

Славянские народы в революции 1848 г. // Вопросы истории. № 7. С. 27–43.

Работы советских ученых в области истории и филологии зарубежных славян // Славяне. № 5. С. 29–34.

Расисты в мантиях ученых // Славяне. № 12. С. 31–32.

Рец.: История Чехии/ Под ред. В.И. Пичета. М., 1947. 260 с. // Вопросы истории. № 6. С. 108–111 (совместно с И. Миллером).

1949 г.

Деятельность В.И. Пичеты в области славяноведения // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. № 1. С. 21–24.

К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. № 1. С. 85–118.

Россия и славянские народы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // История СССР. Т. II: Россия в XIX веке/ Под ред. М.В. Нечкиной. М. С. 647–665,

Финляндия и ее завоевание // История СССР. Т. II: Россия в XIX в./ Под ред. М.В. Нечкиной. М. С. 74–81.

Русская культура 1860–1880 гг. // История СССР. Т. II: Россия в XIX в./ Под ред. М.В. Нечкиной. М. С. 808–857.

1950 г.

Сербия XII–XV веков // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. 2-е изд. Т. II. М.

Рец.: В плену порочных концепций буржуазных историков (Хр. Гандев. Краткая история Болгарии София, 1947) // Славяне. № I. С. 60–62.

Рец.: В плен на порочните концепции на буржоазните историци (Хр. Гандев. Кратка българска история. София, 1947) // Исторически преглед. София. Год. VI. Кн. 3. С. 372–375.

1951 г.

Жизненный путь и социально-политические взгляды. И. Вазова // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. № 3. С. 8–23.

Slovanské narody v revolúcii r. 1848 // Revolučné dedičstvo rokov 1848–1849. Bratislava: SAVU. S. 49–73.

Южные славяне, молдаване и валахи под властью Турции в XVII–XVIII вв. // Новая история / Под ред. В.В. Бирюковича, Б.Ф. Поршнева, С.Д. Сказкина. Т. I. М.

1952 г.

Национальное движение сербов Воеводины в 1848 г. // Революция 1848–1849 гг. М. Т. I. С. 458–475.

Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства // Вестник Московского ун-та. № I. С. 131–153.

Южнославянские связи русской печати 60-х годов XIX века // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 6. С. 89–122.

1953 г.

Образуване на българския народ и възникване на българската държава // Исторически преглед. София. Год. IX. Кн. I. С. 50–77.

Революционная борьба в Болгарии в 1875–1876 гг. и Апрельское восстание // Освобождение Болгарии от турецкого ига. М. С. 11–46.

Сербия XII–XV веков // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и Д. Сказкина. 3-е изд. Т. II. М.

Южные славяне, албанцы, молдаване и валахи под властью Турции в XVII–XVIII вв. // Новая история/ Под ред. Б.Ф. Поршнева и др. М. Т. I. С. 397–416.

Cinnost Zdenka Nejedlého na Moskevské universite // Zdenku Nejedlému Československá Akademie ved. Praha. S. 15–18.

Рец.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сб. статей. М., 321 с. /совместно с Л.Б. Валевым и П.Н. Третьяковым/.

Рец.: История братского народа (И. Митев. Кратка история на българския народ.) // Славяне. № 8. С. 59–61.

Рец.: История на братски народ (И. Митев. Кратка история на българския народ) // Исторически преглед. София. Кн. 6. С. 657–660.

1954 г.

Задачите на съветските историци в изследването на историята на България // Исторически преглед. София. Кн. 6. С. 3–14.

История Болгарии. Т. I. М. / Гл. I; гл. II; гл. III, разд. 1–3; гл. IX; гл. X, разд. 1–2/.

Рец.: История Болгарии. Т. I. М. 675 с. /совместно с П.Н. Третьяковым и Л.Б. Валевым/.

1955 г.

Вековые связи народов Советского Союза и Югославии // Международная жизнь. № 10. С. 63–76.

Доклад о классовой борьбе в Чехии и Моравии в XIV – начале XV в. // Вопросы истории. № 3. С. 187–188.

Обсуждение "Истории Болгарии" болгарскими историками // Вопросы истории. № 1. С. 188–190 /совместно с Л.Б. Валевым/.

Поездка в Болгарию // Вестник Московского ун-та. № 1. С. 146–148.

(Послесловие к переводу романа:) Ст. Загорчинов. День последний. М.: С. 449–456; то же, 2-е изд. М., 1960. С. 449–451.

Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М. С. 435–501.

Ред.: История Болгарии. Т. II. М. 611 с. (совместно с П.Н. Третьяковым и Л.Б. Валевым).

1956 г.

Выдающийся деятель сербского рабочего движения Д. Туцович // Вопросы истории. № 5. С. 108–115.

Основоположник социалистического движения в Болгарии // Известия, 14 июня. № 141.

Письмо Огарева Бакунину (Публикация) // Литературное наследство. Т. 63. М. С. 153–157.

L'udevit Stur a narodnostný boj južných slovanov v tridsiatych a styridsiatych rokoch 19 storocia // L'udevit Stur: Život a delo: 1815–1856. Sb. materiálov z konferencie Historickeno úslavu Slovenskej Akadémie vied, Bratislava: SAV. S. 431–441.

Slavistika na Moskevské universite // Slovanský prehľad. Praha. № 5. S. 155–156.

Stur a narodnostný boj južných slovanov // Slovanské pohľady. Bratislava. № 1-2. S. 162–171.

Ред.: Светозар Маркович. Избранные сочинения. М. 919 с.

Рец.: Историја народа Југославије. Књ. I. Београд: Просвета, 1953. 821 с. // Вопросы истории. № 10. С. 155–162 (совместно с Ю. Бромлеем и И. Достян).

1957 г.

История южных и западных славян. М. / Введение; гл. I, разделы 1–3; гл. II, разделы 1–2; гл. III, разделы 1–9, 13, 14; гл. VI, разделы 1–4; гл. XV).

М.С. Дринов как историк // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 21. С. 3–12.

Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М. С. 3–77.

Ред.: История южных и западных славян. МГУ. 574 с.

Ред.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М. 331 с. (совместно с Л.Б. Валевым).

1958 г.

Борьба народов Балканского полуострова за национальную независимость // Новая история. Т. II: 1789–1870. М. С. 342–439.

Задачи советских историков в области изучения истории Югославии // Славянский сборник. Т. I. Воронеж. С. 7–12.

Избранные труды Б.Д. Грекова // Вестник АН СССР. № 9. С. 124–126.

Народы Балканского полуострова в 50–60-х годах XIX в. // Новая история. Т. II: 1789–1870. М. С. 644–662.

Народы Балканского полуострова в 1789–1815 гг. // Новая история. Т. I: 1789–1870. М. С. 177–189.

Новые работы о водяных знаках в Югославии // Славянский архив. М. С. 31–33.

Руската общественост и Освобождението на България // Исторически преглед. София. Год. 14. Кн. 2. С. 13–26.

Ред.: Славянский архив: Сб. статей и материалов. М. 302 с.

Ред.: Из истории русско-болгарских отношений: Сб. статей М. 291 с. (совместно с Л.Б. Валевым и В.Н. Кондратьевой).

1959 г.

Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии // Славянский архив. М. С. 126–138.

Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии. София. С. 225–231 // Сборник в честь на академик Никола В. Михов.

Історія південних і західних слав'ян. Київ (Вступ. Розділ I подразділ 1–3; розділ II, подразділ 1–2; розділ III, подразділ 1–9, 13, 14; розділ VI, подразділ 1–4; розділ XV, подразділ).

- Ред.: История Чехословакии. Т. II. М. 350 с.
Ред.: Славянский архив: Сб. статей и материалов. М. 353 с.
Ред.: Історія південних і західних слав'ян. Київ. 559 с.
Рец.: П.А. Зайончковский. Кирилло-мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959 // Вопросы истории. № 2. С. 190–194.

1960 г.

Задачи и организация работы по проблеме "Генезис капитализма, национально-освободительное движение, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах" // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 33–34. С. 65–71.

Караджич и Ранке // Проблемы историографии. Воронеж. С. 11–16.

Переписка М.С. Дринова с русскими учеными // Исследования в чест на Марин С. Дринов. София: БАН. С. 205–216.

Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 361 с.

Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М. С. 484–508.

1961 г.

Парижская коммуна в оценке болгарской печати // Парижская Коммуна 1871 г. М., Т. II. С. 468–472.

/Предисловие в кн.: /Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. Т. I: Освободительная борьба южных славян и Россия: 1875–1877. М. С. 7–16.

Ред.: Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. Т. I: Освободительная борьба южных славян и Россия. М. 714 с. (совместно с др.).

Ред.: Славянский архив: Сб. статей и материалов. М. 271 с.

1962 г.

Европейская дипломатия в Сербии в начале 60-х годов XIX в. // Вопросы истории. № 9. С. 75–102.

Ред.: Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М. 330 с.

Ред.: Славянский архив: Сб. статей и материалов. М. 287 с.

1963 г.

История Югославии. Т. I. М. (главы 2, 6, 10).

Новая история. Т. I. Под ред. А.Л. Нарочницкого. М. С. 614–645 (гл. 27).

Новые данные к биографии Л. Каравелова // Славянский архив. М. С. 235–236.

Нота А.М. Горчакова об отмене условий Парижского мира и русская общественность // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М. С. 410–417.

Паисий и современная ему южнославянская историография // Известия на Института за история. София. Т. 13. С. 23–31

Происхождение славянской письменности // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М. Вып. 39. С. 21–26.

Русская дипломатия и национально-освободительное движение южных славян в 50–70-х годах XIX в. // История, фольклор, искусство славянских народов: Доклады советской делегации: V Международный съезд славистов. М. С. 159–186.

Славяноведение // Очерки истории исторической науки с СССР. Т. III. М. С. 498–514.

Ред.: Генезис капитализма в промышленности. М. 428 с. (совместно с др.).

Ред.: История Югославии. Т. I. М. 736 с.

Ред.: Славянский архив: Сб. статей и материалов. М. 305 с.

1964 г.

Вклад Зденека Неедлого в изучение истории славянских стран // Зденек Неедлы – выдающийся общественный деятель и ученый. М. С. 199–207.

Восточный кризис 70-х годов XIX в. в новейшей литературе // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М. Вып. 40. С. 29–31.

Вук Караджич и Россия // Новая и новейшая история. № 3. С. 24–33.

V Международный конгресс славистов // Новая и новейшая история. № 1. С. 191–192.

Новая история. Т. I: 1640–1789 / Под ред. Б.Ф. Поршнева. М. (Разделы о южных славянах).

Ред.: Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. Т. II: Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны: 1877–1878 гг. М. 645 с.

1965 г.

Внешняя политика России в 1856–1876 годах // История СССР. Т. II: 1861–1917: Период капитализма / Отв. ред. А.Л. Сидоров. 2-е изд. М. С. 135–151.

Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография // Славянское источниковедение. М. с. 3–15.

/Предисловие к переводу романа: /Сл. Пастасиевич. Стефан, государь сербский. М. С. 5–14.

Ред.: Славянское источниковедение: Сб. статей и материалов. М. 320 с.

Рец.: Ю.В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964. 405 с. // Советское славяноведение. № 5. С. 71–73.

1966 г.

Александр Бурмов // Советское славяноведение. № 6. С. 106.

Болгарский город в 1879 г. по данным русской переписи. М. 29 с. (Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы, Первый конгресс балканских исследований. София, 26.VIII – I.X. 1966. Сообщения советской делегации).

Данные русской переписи 1879 г. о численности и национальном составе населения болгарского города // Славянское Возрождение. М. С. 83–103.

Материалы русской аграрной переписи 1879 г. в Болгарии и их научное значение // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (1964). Кишинев. С. 769–779.

Описание экономического состояния юго-восточной части Болгарии в 30-х годах XIX в. // Славянское возрождение. М. С. 161–203.

Роль западнославянских и южнославянских стран в международных отношениях в XII–XV вв. // История средних веков. Т. I /Под ред. С.Д. Сказкина. М. С. 506–513.

Славянская проблематика на XII Международном конгрессе историков в Вене // Советское славяноведение. № 1. С. 111–112.

Ред.: Славянское возрождение: Сб. статей и материалов. М. 248 с.

1967 г.

Академик Михаил Димитров // Советское славяноведение. № 2. С. 125.

/Послесловие к переводу повести:/ К. Калчев. Отважный капитан. М. С. 215–222.

/Предисловие в кн.: / Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. Т. III: Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства: 1878–1879. М. С. 7–16.

Ред.: Источники и историография славянского средневековья: Сб. статей и материалов. М. 282 с.

Ред.: Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. Т. III: Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства: 1878–1879. М. 675 с. (совместно с др.).

1968 г.

К 90-летию освобождения Болгарии от турецкого ига (Предисловие к публикации документов) // Советское славяноведение. № 1. С. 67–68.

Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. // История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Международный съезд славистов. Прага, 1968. М. С. 64–79.

Српски политички живот 60-тих година XIX века у руској штампи (периодика) // Уједињена Омладина српска. Зб. радова. Нови Сад: Матица Српска. С. 363–374.

Ред.: С.В. Овнанян. Армяно-болгарские исторические связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX в. Ереван, 1968 // Советское славяноведение. № 6. С. 68–69.

1969 г.

Болгарский город в 1879 г. по данным русской переписи. (Association internationale d'étude du sud-est Européen, IV).

/Выступление на научной сессии по проблемам генезиса капитализма // Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма: Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11–13 мая 1966 г. М. С. 211–216.

Замечания к докладу доц. Валицкого // L'udovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, S. 326–329.

К вопросу о корнях национальной идеологии (résumé) // La development de la conscience nationale en Europe Orientale: Colloque de la Commission internationale des études slaves du Comite international des sciences historiques (Paris, 29 et 30 janvier 1968). Paris, P. II.

Кому адресован трактат "Славянство и мир будущего?" // "L'udovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit". Bratislava, S. 415–416.

Россия и славяне в 60-х годах XIX в. // L'udovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, S. 270–289.

Ред.: Славянская историография и археография: Сб. статей и материалов. М. 277 с.

Ред.: Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма: Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11–13 мая 1966 г. М. 278 с. (совместно с др.).

1970 г.

К вопросу о населении и экономике болгарского города в 70-х годах XIX в. // La ville balkanique XVe–XIXe ss, Sofia: Ed. de L'Academie Bulgare des sciences, P. 155–158 (Studia balcanica, 3).

Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М. 328 с.

Русское гражданское управление в Болгарии 1877–1879 гг. // Освобождението на България: 1878–1968. София: БАН, С. 27–41.

1971 г.

Академик Николай Михайлович Дружинин // Новая и новейшая история. № 3. С. 224–232 (совместно с акад. Б.А. Рыбаковым и др.).

Буржуазно-национальное освободительное движение и образование самостоятельных государств в Балканских странах // Новая история. Ч. I: 1640–1870 / Под ред. А.Л. Нарочницкого. М. С. 606–624.

Парижская коммуна в оценке болгарской печати // История Парижской коммуны 1871 года. М. С. 710–711.

1972 г.

Ред.: Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение: Сб. статей и материалов. М.: Наука. 390 с. (отв. ред.).

Ред.: Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века / Подготовка текста, введение и перевод Г.Г. Литаврина. М.: Наука. 742 с. (совместно с др.).

1975 г.

Ред.: Зарубежные славяне и Россия: Документы из архива М.Ф. Раевского 40–80-е гг. XIX в. / Составители В. Матула и И.В. Чуркина. Совместное издание АН СССР – Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Института истории в Белграде, Словацкой АН – Институт истории, Чехословацкой АН – чехословацко-советского института. М.: Наука, 576 с. (совместно с др.).

1976 г.

/Предисловие в кн.: / Сахаров И.В. Болгария. М.

1977 г.

О так называемой конвенции Паулуччи–Кара Георгий // *Balkanica*. Т. 8. Belgrade. S. 230–243.

1978 г.

Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. № 7. С. 48–65.

Рец.: П.С. Сохань. Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976. 290 с. // Вопросы истории. № 6. С. 154–156.

1980 г.

/Предисловие в кн.: /Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. I (1804 – 1807 гг.). М.: Наука. С. 5–13. Совместное издание АН СССР Институт славяноведения и балканистики и Сербская академия наук и искусств, отделение исторических наук (совместно с В. Чубриловичем).

Рец.: А.А. Улунян. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия: Очерки. М., 1978. 212 с. // Вопросы истории. № 7. С. 144–145.

Рец.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. 427 с. // Вопросы истории. № 9. С. 150–152.

Ред.: Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. I (1804–1807 гг.). М.: Наука. 480 с. Совместное издание АН СССР Институт славяноведения и балканистики и Сербская академия наук и искусств, отделение исторических наук (совместно с др.).

1981 г.

Ред.: Българското възраждане и Русия. София. 593 с. (совместно с др.).

1983 г.

Воспоминания о гимназических годах. (Публ. подготовлена А.Е. Москаленко) // (Из истории университетского славяноведения в СССР. М. С. 120–142.

Ред.: Ученые записки Института славяноведения. Т. 11, 12, 14–22, 23, 24–30. М., 1955–1966 (член редколлегии).

ТРУДЫ О С.А. НИКИТИНЕ

До 70-річчя професора С.О. Нікітіна // Українське слов'янознавство. Львів, 1971. Вип. 4 Історія зарубіжних слов'ян. С. 164–165.

Зуева Н.В., Данилова Н.П. Юбилей видного советского ученого С.А. Никитина // Советское славяноведение. 1971. № 6. С. 112–113.

Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Валев Л.Б., Писарев Ю.А. Профессор Сергей Александрович Никитин // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 199–203.

Matula V. S.A. Nikitin 70 rocný // Historický časopis. Bratislava, 1971. № 2. S. 312.

Todorov N. Le professeur S.A. Nikitin // Etudes balkaniques. 1971. № 1. S. 150–153.

Боброва С.П. Сергей Александрович Никитин (из истории советского славяноведения) // Вопросы истории славян. Воронеж, 1972. С. 97–112.

Славяне и Россия (К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина). Сб. статей. М. 1972.

Фрейдзон В.И., Чуркина И.В. Исследования С.А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50–70-х годах XIX в. // Славяне и Россия. М. 1972. С. 11–19.

Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Валев Л.Б., Писарев Ю.А., Карасев В.Г. Профессор Сергей Александрович Никитин. Предисловие к сб. статей «Славяне и Россия». М., 1972.

Боброва С.П. Об исследовательской методике С.А. Никитина // Славяне и Россия. М., 1972. С. 20–26.

Короткова В.И. Список трудов профессора С.А. Никитина // Славяне и Россия. М., 1972.

Боброва С.П. К вопросу об изучении русско-сербских революционных связей 60–70-х годов XIX в. в советской историографии // Вопросы истории славян. Воронеж, 1977. Вып. 3. С. 62.

Ekmečić Milorad. Sergij Aleksandrovič Nikitin // Jugoslovenski istorijski časopis. 1979. № 1–2. S. 230–231 (Некролог).

Сергей Александрович Никитин // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 189 (некролог).

Сергей Александрович Никитин // Исторически преглед. София, 1980. № 2. С. 153–154 (некролог).

Сергей Александрович Никитин // Новая и новейшая история. 1980. № 5. С. 205 (некролог).

Сергей Александрович Никитин. – Советское славяноведение, 1980, № 4, с. 125–126 (некролог).

Сергей Александрович Никитин: (Биографическая справка) // Историки-слависты СССР: Библиографический словарь-справочник. М., 1981. С. 122–123.

Никитина Е.А. Из воспоминаний сестры о брате-профессоре Сергее Александровиче Никитине // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 143–145.

Чуркина И.В. Сергей Александрович Никитин // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 46–56.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Л.В. Горина, И.В. Чуркина.</i> С.А. Никитин	5
<i>А.Н. Горяинов, Л.П. Петровский.</i> Неизвестная страница биографии С.А. Никитина (по материалам ОГПУ начала 1930-х годов)	11
<i>И.В. Чуркина.</i> Неизданная книга С.А. Никитина	22
<i>Л.В. Горина.</i> Средневековая Болгария в творчестве профессора С.А. Никитина	36
<i>Б.Н. Билунов.</i> Болгарское возрождение в трудах С.А. Никитина	48
<i>Д.В. Кузьмичева.</i> Сербская проблематика в трудах С.А. Никитина	54
<i>В.М. Хевролина.</i> С.А. Никитин и издание документов	62
<i>С.П. Боброва, В.Г. Таранова.</i> С.А. Никитин и историческая славистика в Воронежском университете	72
<i>Э.Г. Вартамян.</i> С.А. Никитин и развитие исторической славистики на Кавказе	82
<i>Н. Тодоров</i> (Болгария). Профессор С.А. Никитин	88
<i>М. Экмечич</i> (Югославия). Сергей Александрович Никитин (1901–1979)	92
Список трудов профессора С.А. Никитина	96
Труды о С.А. Никитине	111

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. 14

К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина

(Материалы международной научной конференции "Россия и славяне. XVIII в. — 1918 г.". Москва, 25–27 июня 1991 г.)

Сборник статей. — М., Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1992. 212 с.

Подписано в печать 26.08.92. Формат бумаги 60x90 1/16

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 5,9. Уч.-изд.л. 5,3

Тираж 200 экз. Заказ 175 Цена договорная

Отпечатано на ротапринте
ВНИПИСтатинформа Госкомстата РФ

20 p.